

Санкт-Петербургский государственный университет

ТИХОМИРОВА Надежда Александровна

Выпускная квалификационная работа

**Религиозный код культуры во фразеологии испанского и итальянского
языков**

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа ВМ.5829. «Романские языки»

Научный руководитель:

д. ф. н., доцент, профессор кафедры романской филологии СПбГУ

Мед Наталья Григорьевна

Рецензент:

к. ф. н., доцент кафедры немецкого и романских языков СПбГУП

Макарова Татьяна Николаевна

Санкт-Петербург

2021

Содержание

Введение	3
Глава 1. Теоретические основы изучения лингвокультурологии	5
1.1. Лингвокультурология как научная дисциплина	5
1.2. Изучение понятия «код культуры»	12
1.3. Специфика религиозного культурного кода	19
1.4. Фразеология как объект лингвокультурологического анализа	22
Выводы по главе 1	30
Глава 2. Религиозный код культуры во фразеологии испанского итальянского языков	32
2.1. Тематическая классификация фразеологизмов	32
2.1.1. Фразеологизмы, связанные с библейской тематикой	33
2.1.2. Имена святых	37
2.1.3. Фразеологизмы тематической группы «дьявол», «грех» и «смерть»	43
2.1.4. Фразеологизмы тематической группы «душа», «Бог» и «святость»	45
2.1.5. Фразеологизмы тематической группы «Церковные понятия»	47
2.2. Семантическая классификация фразеологизмов	50
2.2.1. Фразеологизмы, описывающие внешний вид человека	50
2.2.2. Фразеологизмы, описывающие характер и поведение человека	53
2.3. Фразеологизмы, отражающие явление десакрализации	55
Выводы по главе 2	60
Заключение	61
Список использованной литературы	63

Введение

Актуальность исследования состоит в выявлении общего и частного в репрезентации религиозного кода культуры во фразеологии испанского и итальянского языков.

Новизна работы обусловлена проведением сравнительно-сопоставительного исследования функционирования фразеологических единиц с религиозным компонентом в испанском и итальянском языках.

Цель данного исследования заключается в выявлении и систематизации семантических особенностей фразеологизмов с религиозным компонентом на материале испанского и итальянского языков.

Для достижения поставленной цели в работе были сформулированы и решены следующие **задачи**:

- рассмотреть понятия «лингвокультурология», «культура», «код культуры», «фразеологизм»;
- установить особенности религиозного культурного кода;
- выделить специфические черты фразеологии религиозного кода культуры;
- разработать тематическую классификацию фразеологического фонда испанского и итальянского языков с религиозным компонентом;
- выявить, описать и сравнить семантические особенности фразеологических единиц испанского и итальянского языков в рамках религиозного кода культуры.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в том, что в работе выявляются факторы культурологического характера, влияющие на семантические особенности фразеологических единиц испанского и итальянского языков.

Практическая значимость проведенного исследования состоит в том, что результаты работы могут быть использованы для дальнейших исследований в области фразеологии и лингвокультурологии на материале испанского и итальянского языков.

Объектом исследования данной работы является фразеологический фонд данных языков в рамках религиозного кода культуры, **предметом** – семантические особенности фразеологии с религиозным компонентом в испанском и итальянском языках.

Материалом исследования послужили фразеологические единицы испанского и итальянского языков, собранные методом сплошного отбора из одно- и двуязычных фразеологических словарей. Общий объем выборки составил более 150 фразеологизмов, 108 из которых представлены в тексте исследования. Среди них 59 испанских и 49 итальянских фразеологизмов.

В настоящей работе были использованы следующие **методы исследования**: сравнительно-сопоставительный, описательный и компонентный методы анализа.

Структура работы: работа состоит из введения, двух глав и выводов к ним, заключения, списка использованной литературы.

Глава 1. Теоретические основы изучения лингвокультурологии

В настоящее время в мировой науке все больше внимания уделяется исследованию вопроса особенностей межкультурной и межличностной коммуникации в связи с увеличением взаимодействия представителей разных культур и оказанием все большего влияния друг на друга в процессе общения. Множество гуманитарных наук занимается изучением данного вопроса, а именно, культурология, социология, этнолингвистика, а также когнитивная лингвистика. Однако в связи с повышением уровня использования культурологического аспекта в изучении языка, определение границ между этими дисциплинами оказывается сложным, ввиду терминологической неоднородности некоторых из них, в частности лингвокультурологии, которая охватывает почти все пространство между языком и культурой.

Поэтому вопрос о том, чем занимается лингвокультурология и способна ли ее научная основа соответствовать всем запросам при проведении анализа взаимодействия языка и культуры, является одним из наиболее востребованных в гуманитарной науке по сей день.

1.1. Лингвокультурология как научная дисциплина

Благодаря тому, что в XX веке в лингвистике было обращено внимание к человеку с точки зрения антропоцентризма, то факт признания человека и его мыслей как основы вещей мира, явился предпосылкой для возникновения такого гуманитарного направления, как лингвокультурология.

В истории лингвистики существует много высказываний ученых о том, как взаимодействуют между собой язык, мышление и культура. У истоков базисных лингвокультурологических изысканий стоит Вильгельм фон Гумбольдт, который в своих работах определил прямую связь между языком, мышлением народа и его культурой. Благодаря его деятельности в гуманитарной науке появились такие понятия как «дух народа» и «языковое сознание». В своем труде по языкознанию, он приходит к выводу о том, что во всей истории человеческой цивилизации четко и ясно прослеживается

неразрывное взаимодействие между языком и культурой. Также В. фон Гумбольдт подчеркнул, что: «язык тесно переплетен с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры» [Гумбольдт, 1984 : 48].

Более того, при углублении в познании данного вопроса В. фон Гумбольдт отмечает, что отличие языков друг от друга определяется, прежде всего не в их особенных звуках и знаковых системах, а в существующих различиях в мировоззрении их носителей. Важным для науки является заявление ученого о том, что «язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [Гумбольдт, 1984 : 304]. Под этим В. фон Гумбольдт имел в виду то, что язык охватывает и включает в себе лишь объекты, которые входят в область потребностей носителей, однако отображает при этом не их свойства и качества, а отношения к каждому из них.

Эта связь человека с языком в различных культурах демонстрируется сквозь призму членения семантического строя каждой из них. В связи с этим можно предположить, что формулируя те или иные высказывания о явлениях окружающего мира, мы интуитивно следуем ориентирам, ранее предписанным их семантикой. Интересна мысль В.фон Гумбольдта о том, что: «мышление не просто зависит от языка вообще, – оно до известной степени обусловлено также каждым отдельным языком» [Гумбольдт, 1984 : 317].

Интерес В. фон Гумбольдта к взаимоотношению языка и культуры, по мнению С.А. Питиной (Питина, 2006), вызван его географическими достижениями, открытием новых культур и языков. В одной из своих работ В. фон Гумбольдт выдвинул несколько основных положений о том, что:

- 1) язык – выражение «духа народа», проявляющийся в национальной и специфической культуре, воплощенной в языке;
- 2) язык играет важнейшую роль в понимании сути действительности, а также в формировании «картины мира», как особого элемента между человеком и окружающим миром;

3) национальный характер культуры выражается в языке благодаря «внутренней форме», отражающей особое видение мира или так называемый «народный дух» [цит. по: Питина, 2006 : 6].

Последующая деятельность американских этнолингвистов (Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа) позволила развить и упрочнить представление языка как прямого отражения мышления и жизнедеятельности общества в нем.

В начале нового века крупнейшие североамериканские лингвисты инициировали процесс описания языков индейцев, создав необходимость описывать грамматическую систему языка, исходя из характерной для нее структуры и категорий. Благодаря этому, был сделан вывод о том, что как грамматическая система любого языка, так и лексическая, воплощают в себе особую интерпретацию опыта человека при взаимодействии с окружающим миром, закрепившуюся в его языковой форме.

На идее неразрывного единства языка и культуры основывалось такое направление как неогумбольдтианство, а в последующее время и его ответвление – школа Сепира-Уорфа, приверженцы которого заявляли о немалой зависимости мышления от языка. С.А. Питина, проанализировав результаты научной деятельности школы Серина-Уорфа, признала, что «чтобы реально пользоваться разговорным языком, надо знать совокупность внеязыковых фактов, то, что находится за языком» [Питина, 2006 : 7].

Поздний представитель неогумбольдтианства, Л. Вейсгербер, говорит, что язык – это своего рода «промежуточный мир» между мышлением и реальным миром, будто «созидающая сила» действующая во всех областях духовной жизни [цит. по: Маслова, 2001 : 26].

В результате проведенных исследований на материале лексической и грамматической систем языка, а также существующих принципов описания языковых единиц в нем, ученые пришли к выводу, что язык во всем своем многообразии форм и выражений демонстрирует различные методы и средства развития понятий о мире.

Увеличение интереса к лингвокультурологии связано и с тем фактом, что «выявлением огромного неоднородного фонда конкретных пограничных явлений и фактов, которые ранее не привлекали к себе пристального внимания, в то же время являлись свидетельством высокой степени сложности и многогранности анализируемого языкового материала, не вписывающегося в традиционную лингвистическую парадигму» [Голякова 2002 : 6]. Здесь можно сказать об областях, в процессе изучения которых лингвисты столкнулись с неоднозначностью трактовки понятий, таких как теория текста, дискурсивный анализ, смысл и значение, имплицитность и эксплицитность, вопросы, связанные с коммуникативными задачами и их успешностью, а также разрешение и анализ коммуникативных неудач.

Современное понятие «лингвокультурология» появилось благодаря работам ученых, занимающихся вопросами изучения фразеологии, среди которых особое место занимает В.Н. Телия. Однако ряд и других ученых, таких как Н.Д. Арутюнова, В.В. Воробьев, М.Л. Ковшова, В.А. Маслова и др. привнесли новые знания в определение предмета лингвокультурологии и ее особенностей как научной дисциплины.

В своих многочисленных исследованиях В.Н. Телия смогла разработать основы лингвокультурологии, указав, что «лингвокультурология исследует, прежде всего, живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа» [Телия, 1996 : 218]. Благодаря данному определению можно с уверенностью сказать, что лингвокультурологический подход, введенный в науку В.Н. Телия, основывается на классической идее взаимосвязи языка, сознания, мышления и культуры, которая была изложена в различных лингвистических концепциях.

Несомненно, что появлению такой науки как лингвокультурология, способствовало четкое понимание, что язык не существует без культуры и что культура, при этом, самостоятельно существует и развивается в языке. Данную мысль разделяли и развивали в своих работах такие лингвисты как: Н.Ф.

Алефиренко (Алефиренко, 2010), С.В. Иванова (Иванова, 2004, 2010) и М.И. Малхазова (Малхазова, 2015).

В настоящее время в русистике принято считать, что лингвокультурология – это такая научная дисциплина, которая анализирует процессы и выявляет результаты воплощения материальной и духовной культуры в живом языке, а также то, как взаимодействует язык и культура. Несомненно, что особенность лингвокультурологии заключается в том, что она синхронно изучает взаимоотношения языка и культуры, охватывая как соотносимые, так и безэквивалентные языковые единицы. К таким единицам принято относить особые явления культуры, которые представляют собой результат накопительной функции языка и которые могут быть рассмотрены как хранилища фоновых знаний народа, имеющих в его сознании.

По словам В.В. Воробьева лингвокультурология представляет собой «научную дисциплину синтезирующего типа», характеризующуюся «целостным, паритетным и системным рассмотрением культуры и языка как совокупности единиц (лингвокультурем), образующих полевые структуры» [Воробьев, 1997 : 4]. Значимым в его работах является то, что изучение ведется не на основе взаимодействия языковых и этнокультурных факторов, а представляет собой комплексный описательный анализ объектов системы культурных ценностей, отраженных в языке. Именно В.В. Воробьев пришел к выводу о том, что так как язык – это сложная знаковая система, используемая как средство передачи, хранения и использования информации, то по его словам культура в равной степени может считаться знаковой системой, поскольку способна «передавать информацию, но, в отличие от языка, культура - прежде всего память, а основная ее черта - накопление и стремление к абсолютной всеобщности» [Воробьев, 1997 : 19].

Особую ясность в трактовке термина «лингвокультурология» привносит в своем исследовании В.А. Маслова, отмечавшая, что ее как науку, например, от этнолингвистики и социолингвистики, отличает прежде всего целостное рассмотрение как исторических, так и современных языковых фактов «сквозь

призму духовной культуры» [Маслова, 2001 : 10], что дополняет мысль В.Н. Телия, считавшей основой данной науки исследование синхронного взаимодействия языка и культуры, а именно коммуникативные процессы и используемые при этом языковые выражения в комбинации с менталитетом народа.

Проведя собственное исследование и сопоставив лингвокультурологию со смежными ей дисциплинами, а именно социалингвистикой и этнолингвистикой, С.А. Питина смогла четко обозначить область деятельности каждой из них, указав, как и В.А. Маслова, на научную обособленность лингвокультурологии, подчеркивая, что она «посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии» [Питина, 2006: 11]. Социалингвистика же, по словам С.А. Питиной, «занимается изучением современных взаимоотношений между языком и обществом, рассматривает особенности языка разных социальных и возрастных групп в синхронном аспекте», в этнолингвистика «сосредоточила свое внимание на изучении связей языка с народными обычаями, обрядами, ритуалами, на исторической ретроспективе» [Питина, 2006 : 10-11].

Таким образом, исследования в области лингвокультурологии стали концентрироваться на области взаимодействия языка и культуры. Благодаря этому ученые признали целесообразным изучать взаимоотношения языка и культуры как особого психологического и социального явления. Это позволило отказаться от поисков ответа на вопрос о неоднородности характера умственной деятельности представителей разных этнических групп, а признание очевидной взаимосвязи языка и культуры упростило подход к изучению этнокультурной специфики и соответствующих ей языковых форм.

Однако расхождения в трактовке понятия лингвокультурологии обусловлены рядом следующих факторов:

а) существование множества трактовок понятия «культура», часто приводит к различным подходам определения связи языка и культуры;

б) важность того или иного понятия (языка или культуры) при выборе точки отсчета исследования;

в) а также, различия в самих подходах описания взаимодействия языка и культуры, которые могут производиться как через призму связи языка и культуры, так и через призму понятия «языковая личность» и «языковое сознание».

Существующие в современной науке исследования, посвященные отношениям языка и культуры, позволили не только выявить базовые понятия для формирования новой научной дисциплины – лингвокультурологии, но и в дальнейшем выделить периоды в её развития, а именно: первый период или период формирования, основанный на трудах В. фон Гумбольдта, Э. Сепира и др., и второй период или период становления лингвокультурологии в качестве обособленной области знания. Темпы развития исследований дают возможность предвидеть выделение еще одного третьего периода, который берет свое начала в наше время и означает появление лингвокультурологии как фундаментальной междисциплинарной науки.

Сегодня мы можем говорить о нескольких сформировавшихся направлений лингвокультурологии (согласно В.А. Масловой), а именно:

1. «лингвокультурология отдельной социальной группы, т. е. исследование конкретной лингвокультурной ситуации;
2. диахроническая лингвокультурология, т.е. изучение изменений лингвокультурного состояния этноса за определенный период времени;
3. сравнительная лингвокультурология, исследующая лингво-культурные проявления разных, но взаимосвязанных этносов;
4. сопоставительная лингвокультурология, которая лишь начинает развиваться, т.е. анализ менталитета того или народа сквозь призму другого;
5. лингвокультурная лексикография, т.е. занимающаяся составлением лингвострановедческих словарей» [Маслова, 2001 : 27-28].

Объектом лингвокультурологического подхода, согласно наблюдениям В.А. Масловой, является «исследование взаимодействия языка, который есть

транслятор культурной информации, культуры с ее установками и предпочтениями и человека, который создает эту культуру, пользуясь языком» [Маслова, 2001 : 35]. Таким образом, объект находится на пересечении нескольких фундаментальных наук, таких как лингвистика, культурология и психолингвистика.

Предметом исследования лингвокультурологии принято считать языковые единицы, приобретшие «символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре», а также результаты обобщения человеческого сознания, зафиксированные в фольклорном дискурсе, художественных текстах, фразеологизмах и поговорках (поговорах и поговорках) и т.д. [Маслова, 2001 : 35].

Таким образом, наука, возникшая на стыке смежных ей наук, таких как: культурология, этнолингвистика, социоллингвистика, тесно перекликается с ними, но в тоже время имеет свою специфику и особый аспект изучения проблемы «язык и культура». Лингвокультурология – это гуманитарная дисциплина, изучающая процесс воплощения материальной и духовной составляющих культуры в национальном языке, а также влияние культуры на языковые процессы. Она данная наука описывает то, как реализуется одна из фундаментальных функций языка – быть орудием создания, хранения и передачи культуры, и, то какими способами оперирует язык при воплощении, хранении и трансляции культуры в своих единицах.

Лингвокультурология – это новое научное поле для изучения процесса мысли о языке и культуре. Ведь она не только открывает новые горизонты для научно-исследовательской деятельности, но и дает возможность для более глубокого и многогранного изучения ее особенностей и возможностей.

1.2. Изучение понятия «код культуры»

Современные исследователи уделяют все большее внимание анализу культурных факторов, способных оказывать влияние на функционирование

языка, а также рассматривают то, как язык и культура взаимодействуют между собой.

Стоит отметить, что настолько распространенные понятия как «язык» и «культура» имеют неоднозначную трактовку, поэтому прежде чем использовать данные термины в нашем исследовании, стоит кратко рассмотреть их значение в современной науке.

Употребляя понятие «язык», следует рассматривать его как особую знаковую систему основополагающей для всей семиосферы деятельности человека. По словам Н.Б. Мечковской, язык по праву может считаться главным объектом семиотики, потому что в языковую систему можно перевести любую другую семиотическую систему, например, искусство, ритуалы, символы, традиции и др. (Мечковская, 2007).

Термин «культура», как одного из основных при изучении языковых процессов, Э. Сепир в своих исследованиях раскрывал с разных точек зрения:

- «как продукт материальной или духовной деятельности человека, закрепленный благодаря традициями и временем;
- как определенный свод правил поведения индивида в обществе, обусловленный его ценностными ориентирами;
- как цивилизация, отражающая как общечеловеческие знания, установки, взгляды на жизнь, так и сугубо национальную специфику» [Сепир, 1993 : 23-24, 466-470].

Следующее определение термина «культура» дали Н.И. и С.М. Толстые: «культура представляет собой иерархически организованную систему разных кодов, т. е. вторичных знаковых систем, использующих разные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к «картине мира», к мировоззрению данного социума» [Толстой, Толстая, 1995 : 7]. Исходя из того, если представлять культуру как множество кодов, то это значит постоянно производить кодирование и декодирование ее компонентов.

Совокупность традиций культуры и представлений об окружающем мире определяет возникновение схожих оценочных значений как в родственных, так и языках с разной структурой, которые отражаются в метафорах, относящихся к тому или иному коду культуры. Эти коды культуры являются универсальными и «находят свое воплощение как в метафорах, маркированных национально-культурной спецификой, так и в метафорах, одинаковых в разных культурах» [Мед, 2008 : 208]. Таким образом, ценностное культурное содержание, создаваемое различными способами, «образует систему кодов культуры и составляет в целом картину мира, которая раскрывает мировоззрение того или иного социума» [Ковшова, 2012 : 170].

В дополнении к этой мысли, стоит упомянуть, что Д.Б. Гудков и М.Л. Ковшова особо подчеркнули, что «культурный код – это система знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они воплотили в себе культурные смыслы, которые «прочитываются» в этих знаках» [Гудков, Ковшова, 2007 : 9]. Интересна идея В.Н. Телия о том, что код культуры это своеобразная общность имен (и их сочетаний), которые, имея собственное языковое значение, способны заключать и нести в себе некоторые культурные смыслы, т.е. можно сказать, что эти единицы выступают в роли знаков языка культуры, способные выполнять определенные функции.

Рассматривая коды культуры с точки зрения выполняемых ими функций, справедливо отметить, что это метод фиксации как материального, так и духовного мира в пространстве культуры носителей языка, а также метод создания концептов окружающего мира.

Понятие «код культуры» нередко встречается в отечественных исследованиях, основанных на концептуальных аспектах знания в культуре. Однако четкого определение данного понятия чаще всего не приводится из-за периодических изменений, происходящих в культуре и языке.

Среди лингвистических работ, посвященных изучению кодов культуры, стоит отметить вклад В.В. Красных, которая не только предложила

собственную трактовку понятия, сравнив культурный код с «сеткой», «которую культура набрасывает на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его», но и определила их типы, дав каждому довольно подробную характеристику на основе русской культуры [Красных, 2001 : 5].

Она также отмечает, что между различными кодами культуры не существует жестких границ, что говорит о том, что каждый код участвует в формировании другого. Для доказательства данной мысли, В.В. Красных приводит довольно наглядный пример: «соматических код используется, например, для описания пространства, а пространственные отношения переносятся на временные» [Красных, 2001 : 6]. Это связано с тем, что именно сам человек (телесный код), окружающий мир (пространственный) и время (временной код) – являются тремя основными объектами познания и описания, т.е. при познании самого себя, человек способен познать окружающий мир и с помощью времени верно выстроить все события на временной оси относительно друг друга.

Опираясь на теорию семиосферы, Ю.М. Лотман представил культуру как знаково-коммуникативную систему, объединив понятие культурный код и язык, т.е. по его мнению, язык – это код в комбинации с его историей. Однако такое, достаточно узкое понимание недостаточно, и, даже принимая во внимание историю языка, требует более глубокого анализа и конкретизации (Лотман, 2003). Ученый также считал, что при анализе семиосферы нужно учитывать все разнообразие текстов культуры, поскольку «на любом синхронном срезе семиосферы сталкиваются разные языки, разные этапы их развития, некоторые тексты оказываются погруженными в не соответствующие им языки, а дешифрующие их коды могут вовсе отсутствовать. <...> Произведение искусства может «умирать» и вновь возрождаться, побыв устаревшим, сделаться современным или даже профетически указывающим на будущее. Здесь «работает» не последний временной срез, а вся толща текстов культуры» [цит. по Лаврентьева, 2017 : 63].

Исследователь Н.А. Симбирцева отметила, что культура «заимствует у языка оболочки знаков, которые впоследствии становятся репрезентантами смыслов культуры» [Симбирцева, 2016 : 158]. Н.А Симбирцева, приводя высказывание У. Эко, подчеркнула, что код культуры «актуализируется тогда, когда, осуществляется переход от мира сигналов к миру смыслов, под которым понимаются значащие формы, организующие связь человека с миром информации, с миром идей, образов и ценностей данной культуры» [цит. по: Симбирцева, 2016 : 158].

В основании кода лежит, по мнению М. Фуко, описание отношений в мире вещей, употребляемые носителями языка в метафорической форме. Он полагал, что «основополагающие коды любой культуры, управляющие языком, определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых он будет ориентироваться» [Фуко, 1977 : <https://gtmarket.ru/library/basis/5169/5171>]. Данное мнение позволяет обратить внимание на то, что связь между языком и явлениями внешнего мира неоспорима и требует анализа культурных кодов в рамках культурологических и психологических исследований.

Исследования Ф. де Соссюра на материале культурных текстов, показали, что культурный код формирует «ткань» текста культуры, общность символическо-знаковых систем, значение и смысл которых постоянно считываются человеком. Именно благодаря смыслам в культуре возникают общие принципы понимания и категоризации мира, которые в дальнейшем находят свое отражение в языке (Аванесова, Купцова, 2015).

Научное исследование В.В. Красных, проведенное в рамках этнолингвистики, содержит следующее определение кода культуры: «это макросистема характеристик объектов картины мира, объединенных общим категориальным свойством; это некая понятийная сетка, используя которую, носитель языка категоризирует, структурирует и оценивает окружающий его и свой внутренний мир». [Красных, 2002 : 232].

Сущность любого культурного кода заключается в их постепенном формировании, а именно на протяжении длительных промежутков времени и исторических периодов и только в процессе деятельности всего народа той или иной страны. Г.А. Аванесова и И.В. Купцова пришли к выводу, что базовые коды культуры, в связи с более долгим сроком образования и структурирования (по меньшей мере, в течение нескольких тысячелетий) и замедленным темпом изменчивости, зачастую трудны для выявления. В то время как на процесс формирования и обновления институционализированных кодов требуется в среднем 2-3 поколения (Аванесова, Купцова, 2008).

Н.А. Симбирцева подчеркнула, что код культуры можно представить как общность знаков «внутри историко-культурного периода», которая обрела вербальное и/или невербальное выражение в текстах, которая характеризуется «интерпретативной устойчивостью», в рамках пространственно-временного восприятия, а также сохраняет «коммуникативный потенциал на уровне личностного восприятия» [Симбирцева, 2016 : 158]. Именно это, по мнению многих исследователей, является основными характеристиками кода культуры.

Важно отметить, что от вида фиксации культурной информации и метода ее хранения, зависит то, как код культуры может воплотиться в текстах различного типа. Таким образом, культура обретает возможность «говорить», тем самым сближаясь с языком.

Функции, выполняемые кодами культур, чаще всего скрыты в глубине их сути, потому что характеризуются обширным диапазоном действия. Достигается это за счет прохождения через все слои деятельности человека и приобретая характер общезначимости и неотвратимости. В результате этого, коды культур рационализируют отношения людей и окружающего мира, облегчая социальные взаимосвязи.

Обнаружение и анализ культурного кода в каждом акте коммуникации вызывает ряд трудностей, поскольку в них «закодировано» отношение человека к явлениям, нормам, предметам, традициям в культурном пространстве. Можно предположить, что за счет существующих и функционирующих в культуре

кодов, а также наличия некоторых смысловых изменений, она способна как самосохраняться, так и обновляться.

Другим сложным вопросом является изучение механизмов действия кодов в культуре, тесно связанное с таким понятием как «лакуна». В семантике лакуны представлены как результат несоизмеримости культур и их несоотнесенности между собой, т.е. как смысловые точки, возникшие при разрыве коммуникации. Лакуны могут быть языковыми и культурологическими, поэтому можно сказать, что при контакте с другой культурой человек неосознанно начинает воспринимать и оценивать ее в кодах своей культуры. Таким образом, если особенности чужой культуры будут интерпретированы неверно, в силу недостаточной осведомленности или же ее особенности, это может привести к двойственному характеру новой культуры, положительного и полного заинтересованности в дальнейшем ее изучении с одной стороны, и отрицательно-негативного с другой.

Подводя итог изложенной выше мысли можно сделать вывод, что любую культуру, как писали Г.А. Аванесова и И.А. Купцова, «можно рассматривать как самоорганизующуюся систему, обладающую специфическим для нее набором кодов, являющихся во многом «чуждыми» для иной культуры» [Аванесова, Купцова, 2008: 43]. Успешность их восприятия будет зависеть лишь от личностных качеств человека и культурных универсалий.

Дешифровка культурного кода делает доступным истинное содержание сообщения, заключающего в себе, по наблюдению Н.И. Пашковой, «предметные символы культуры – артефакты» [Пашкова, 2012 : 169]. Связь значения и знака «определяет диалектическую неразрывность духовного и материального аспектов культуры, ее артефактов» [там же : 169].

Коды культуры сопоставляются с «древнейшими архетипическими представлениями человечества относительно строения Вселенной и несут эти знания новым поколениям» [там же : 169]. По своей природе они идентичны, однако обусловлены этническими факторами, поэтому процесс шифрования и

дешифрования культуры имеет всегда специфический и национальный характер для каждого социума.

1.3. Специфика религиозного культурного кода

Среди многочисленных кодов культуры, одним из наименее изученных является религиозный код культуры. Это связано, прежде всего, с сакральностью тематики элементов, формирующих его основу, а также, с тем, что анализ религиозной лексики требует обширных экстралингвистических знаний.

Существующие исследования доказывают, что в современной языковой картине мира религиозный код культуры выделяется среди других сложностью своей структуры и многослойностью ассоциативно-семантического поля.

Само название кода «духовный» с течением времени менялось, поскольку сейчас большее распространение получил термин «религиозный код», что, по нашему мнению, является довольно интересным фактом. Для того, чтобы лучше понять и оценить специфику данного кода культуры, обратимся к работе В.А. Масловой, которая смогла раскрыть понятие самого феномена. В.А. Маслова отметила, что лексема «духовный» не фигурировала в словарях или научных работах вплоть до начала XX века ввиду более поздней актуализации понятия и его привязкой к религиозной составляющей человеческой жизни, нежели только духовной. Исследовательница пришла к следующему выводу: «за последнее столетие лексема *духовный* меняла свое значение, и в современном языковом сознании удерживаются как равноценные *духовный* = *интеллектуальный* и *духовный* = *религиозный*» [Маслова, 2016 : 83-84].

Стоит отметить мысль, высказанную Н.А. Бердяевым, о том, что «культура родилась из культа», поэтому «истoki ее сакральны» [Бердяев, 1996 : 196]. К его мнению присоединилась и современная исследовательница А.А. Бувич, которая рассматривала вопрос взаимодействия языка и религии в рамках соответствующего кода культуры.

Под духовным или религиозным кодом культуры А.А. Бувечич понимала «глубинное духовное пространство культуры, «контейнер» для хранения, накопления и выражения архетипических представлений об Абсолюте-Боге, общенациональных религиозно-культурных ценностей, духовно-нравственных законов, взглядов и установок, этических постулатов и норм, которые пронизывают все наше бытие, обуславливают наше поведение и любую деятельность, определяют оценки, даваемые себе и миру» [Бувечич, 2016 : 118-119].

Религиозный код имеет особую структуру, которую можно представить в виде ядра, в центре которого находятся такие понятия как Бог во всей совокупности имен, например, Господь, Спаситель, Дух и т.д. Помимо центрального ядра, существует периферия, на которой расположились такие языковые единицы как: вера, душа, церковь, крест, икона и пр. Интересно, что помимо этих двух компонентов, существует зона, называемая в русистике «интерпретационной», куда входят наиболее общие, но не менее важные понятия для русского православного мировоззрения: покаяние, молитва, пост, чудо и др.

Все это можно представить как каркас, на котором строятся принципы нашего представления о мире. Большинство из них имеют сакральный и светский оттенок одновременно, однако итоговая интерпретация зависит от точки зрения, которую выбирает исследователь для их реконструкции.

В связи с утратой «идеального библейского объема слова», по словам В.А. Масловой, представляется сложным описание некоторых компонентов, которые объединяются, а затем и упрощаются в языке [Маслова, 2016 : 84]. Они с одной стороны могут становиться более экспрессивными и богатыми смыслом, но в тоже время терять элемент божественности. К таким общечеловеческим понятиям можно отнести: любовь, грех, надежда, спасение и вера, которые с течением времени утратили свою первоначальную вселенскую высоту.

Основным признаком религиозного культурного кода является его сакральность и наличием ценностного компонента, поскольку именно во время изучения текстов у носителя формируется определенные взгляды, а затем и их оценка, напрямую влияющие на его поведенческие доминанты.

Таким образом, каждое поколение и народность живет в своем духовном пространстве, в связи с этим по-своему переносит пространство бытия в пространство символов и смыслов.

Говоря о религиозном коде в русской православной лингвокультуре, стоит подчеркнуть, что он закрепился как в лексическом, так и фразеологическом и паремиологическом пласте языка. Каждый их компонентов характеризуется специфической символикой и одухотворенностью, утвердившихся в православной культуре.

По своей сути религиозный культурный код аксиологичен и онтологичен, потому что составляют его именно нравственные ценности культуры и понятия о сущности бытия и деятельности человека. Наиболее ярко и четко это проявляется в семантике, а именно во фразеологии языков.

В состав фразеологизмов в рамках религиозного кода культуры входят одно или несколько ключевых понятий, так или иначе относящихся к сфере христианской религии. Они пронизывают все сферы деятельности человека, предопределяя его поведение и оценки, которые носитель дает себе и окружающему его миру. Особый элемент образности во фразеологизмах, относящихся к религиозному коду культуры, возникает не только благодаря переосмыслению сакральных сюжетов и текстов, но и актуализации лингвокультурной информации, скрытой в глубине ее ключевых компонентов.

Таким образом, раскрытие культурного кода во фразеологии языка оправдывает применение лингвокультурологического анализа в сравнительно-исторических исследованиях.

1.4. Фразеология как объект лингвокультурологического анализа

Существование различий между языками связаны с несоответствием их культур, которое наиболее ярко демонстрируются на материале лексических и фразеологических единиц, потому что именно назывательные средства языка тесно связаны с внеязыковой действительностью носителя.

Выражение культурной семантики в языке является одним из важнейших вопросов лингвокультурологии, оно неоднократно исследовалось в различных школах. Изучение особенностей культурной семантики в языке, и, в частности, в области фразеологии, было впервые проведено в рамках лингвокультурологического подхода в работах В.Н. Телия (Телия, 1996, 1999, 2004) и её учеников (М.Л. Ковшовой, Д.Б. Гудкова, В.В. Красных и др.).

Поскольку фразеология – это самый яркий слой языковых единиц, отражающих особенности культуры, то различные коды культуры обнаруживаются именно во фразеологизмах. Учеными выделяются большое число кодов культуры, среди которых соматический или телесный, пространственный, временной или темпоральный, предметный, духовный или религиозный, и др.

Сфера фразеологии неизменно является одной из наиболее богатых для изучения областей лингвистики. Это происходит потому, что фразеологические единицы могут кратко и емко отражать особенности картины мира народа, не столько открыто указывая на конкретные традиции той или иной культуры, сколько скрыто, заключая ряд социальных и культурологических фактов в сознании представителей какой бы то ни было нации.

Несмотря на существующие языковые и культурные различия, исследователи как на основе русского, так и испанского и итальянского языков, по сей день активно занимаются анализом фразеологии, определением значения самого термина, а также сущности и характеристики ее элементов. Помимо основного труда по испанской фразеологии Г. Корпас Пастор (Corpas Pastor, 1997), на культурную составляющую во фразеологии обращали внимание Руис Гурильо (Ruiz Gurillo, 1997), Луке Дуран (Luque Durán, 2002), а также

отечественные авторы А.О. Жолобова, которая создала работу, посвященную исследованию истоков зарождения и дальнейшего развития фразеологии как науки в Испании (Жолобова, 2013), и Н.Н. Кириллова (Кириллова, 2015).

Испанский лингвист Прьето М. в своей книге делает вывод о том, что: «los modismos no son sólo hechos lingüísticos sino también culturales» (фразеологизмы представляют собой не только лингвистические, но и культурные явления), добавляя, что: «las evocaciones de una palabra en un idioma dependen de la cosa y no de la palabra porque se producen en una comunidad y no en una lengua; es decir que los modismos son, en nuestro caso, los españoles, no sólo del español y ahí radica su éxito» (закрепление слова в языке зависит от объекта, а не от самого слова, поскольку они появляются в обществе, а не в языке; т.е. фразеологизмы, в нашем случае испанские, являются не только частью этого языка, на чем и основывается их популярность в нем) [перевод наш – Н.Т.] [Prieto, 2006 : 7].

Подобное мнение еще раз подчеркивает, что связь языка и культуры неразрывна, но и обращает наше внимание на то, что фразеологизмы образуются благодаря понятиям, которые они обозначают в обществе. В образовании и функционировании фразеологизмов, как писала Т.З. Черданцева, проявляются некоторые особенности развития языка, заключающиеся во влиянии аналогий, постоянно требующих обобщения формы и значения языковых единиц (Черданцева, 1977).

Русский филолог-лингвист К.В. Манерова определила значение фразеологизма как «единицу языка, детерминированную тем или иным культурным кодом <...> сохраняют в себе знаковые компоненты традиций, идеологии, многовекового культурно-исторического наследия этноса в виде ключевого компонента или же целостного фразеологического значения, возникающего на основе семантического сдвига» [Манерова, 2016 : 111-112].

Интересно мнение М.Л. Ковшовой, согласно которой фразеологизмы – это сжатые тексты культуры, т.е. «вся идиоматика языка пронизана вербализованными культурными кодами» [Ковшова, 2012 : 218].

Исследования, связанные с критериями определения фразеологизмов, позволили установить, что они наделены «рядом существенных, определяющих признаков: устойчивостью, воспроизводимостью, семантической целостностью значения, расчлененностью своего состава и замкнутостью структуры» [Жуков, 2006 : 5].

Важной ступенью на пути развития лингвокультурологического исследования фразеологии стал разработанный под руководством В.Н. Телия метод лингвокультурологического анализа, целью которого является демонстрация «культурного содержания фразеологических знаков» [цит. по: Зыкова, 2014 : 122]. Благодаря проделанной работе во фразеологических словарях появилась словарная статья, которая содержит культурологический комментарий, описывающая культурно значимые значения и смысла, живущие во фразеологических единицах языка.

Данный метод анализа и описания фразеологизмов внес значительный вклад в развитие теоретического вопроса лингвокультурологии о том, что культура заключена в корпус фразеологического знака, с помощью которого она проецирует свое содержание, превращая его, таким образом, в знак культуры.

Анализируя работы советских исследователей в области лингвокультурологии, испанский лингвист Л. Руис Гурильо сделала вывод, что благодаря изучению фразеологии, возможно раскрытие сути и других феноменов: «lo específico del significado fraseológico permite explicar los procesos de metaforización o motivación, así como la polisemia, la homonimia, la sinonimia y la antonimia fraseológica» (специфика фразеологического значения позволяет объяснить процессы метафоризации или мотивации, а также полисемию, омонимию, синонимию и фразеологическую антонимию) [перевод наш – Н.Т.] [Ruiz Gurillo, 1997 : 22].

Она также определила рамки фразеологии, отметив то, что именно отсутствие жестких разграничений позволяют фразеологии как проникать в поле других дисциплин, так и наоборот. Л. Руис Гурильо также добавляет, что

благодаря наделенной автономности, фразеология как самостоятельная сфера, способна: «dar una explicación satisfactoria de sus mecanismos, y al mismo tiempo, reconocer su capacidad de proyección hacia el exterior como recurso ejemplificador y explicativo de un buen número de fenómenos del lenguaje» (дать достойное объяснение собственных механизмов, и в то же время, продемонстрировать свою способность выступать в качестве иллюстрирующего и объясняющего ресурса большого числа языковых явлений) [перевод наш – Н.Т.] [Ruiz Gurillo, 1997 : 27].

Для более широкого понимания понятия «фразеология», обратимся к исследованиям, проводимым на основе испанского и итальянского языков, поскольку специфичность их культуры способна иным образом запечатлеться в языке.

Величайший испанский исследователь Х. Касарес одним из первых заговорил о необходимости изучения богатства фонда фразеологии в языке с точки зрения культурного своеобразия. Сравнив фразеологию с таинственным миром, Х. Касарес говорит о том, что в отличие от слов, которое «прикреплены к текстам, подобно бабочкам, убитым парами камфоры и насаженным на булавки, а вот исследование модизмов не терпит отлагательств, потому что каждое вступающее в мир поколение менее чувствительно, чем предыдущее, к волнам прошлого, которое быстро удаляется и становится эфемерным» [цит по: Сингаевская, 2014 : 179].

Именно фразеологизмы, по мнению ранее упомянутой М. Прьето, вовлекают говорящего и слушающего в общее культурное пространство, которое позволяет им расшифровывать его, и то же время преподносят информацию в виде сложного образа, часто воссоздающего контекст устной речи.

Итальянский лингвист А.Д. Рокка следующим образом указала специфику фразеологии в рамках своего исследования на итальянском языке: «fraseologia, intesa come «insieme delle frasi (nel senso di locuzioni o espressioni caratteristiche, idiomatiche) proprie di una determinata lingua o di una determinata

sezione del lessico, relativa a una particolare attività umana», rappresenta un patrimonio linguistico inestimabile che riflette la storia della comunità linguistica, nonché il suo estro, la sua cultura, gli usi e costumi e le credenze e leggende che da sempre la forgianno» (фразеология, понимаемая как «совокупность фраз (в смысле характерных или идиоматических выражений), принадлежащих определенному языку или определенному разделу лексики, относящемуся к конкретной человеческой деятельности», представляет собой бесценное языковое наследие, которое отражает историю языкового общества, а также его происхождение, его культуру и обычаи, а также верования и легенды, которые всегда формировали его) [перевод наш – Н.Т.] [Росса, 2017 : 1].

Ей также удалось установить и сравнить объем фразеологических единиц в испанском и итальянском языках. А.Д. Рокка заметила, что в зависимости от страны, культуры, истории и даже происхождения, можно заметить присутствие более или менее ярко выраженных элементов фразеологии. По ее мнению, «l'Italia e la cultura italiana, senz'altro, molto possiedono in quanto a elementi fraseologici o idiomatici. Tuttavia, è possibile riscontrare nella lingua e cultura spagnola un'infinità di essi, molto più di quanti ne esistano nella nazione italiana, e molto più utilizzati di quanto non lo si faccia in patria» (Италия и итальянская культура, безусловно, имеют в составе языка фразеологические или идиоматические элементы. Тем не менее, в испанском языке и культуре их существует гораздо большее число, чем в итальянском, что указывает и на их более частое использования, нежели это происходит в родном нам языке) [перевод наш – Н.Т.] [Росса, 2017 : 1].

Данный вывод подтверждается наличием в испанском языке слов, относящихся к полю фразеологии, но в тоже время представляющих особые языковые формирования. Например, по наблюдениям того же итальянского лингвиста А.Д. Рокка, испанский язык чрезвычайно богат таким понятием как «dicho», т.е. набором слов, с помощью которого выражается четкая концепция, «frase hecha», т.е. фраза, которая, в переносном смысле и в неизменной форме, является общеупотребимой или же часто употребляемое словосочетание,

выражающее сентенцию пословицы, а также «refrán», т.е. краткое и сентенциальное высказывание общего пользования. Часто термины «dicho» и «refrán» фигурируют как синонимы, являясь элементами фразеологизма, заключающими в себе учение нравственного типа.

В испанской терминологии, связанной с фразеологией, некоторые уточнения привнес Х. Касарес, который, критикуя такие традиционные определения как «modismo» и «locución», вносит некоторые уточнения. Н.Н. Курчаткина и А.В. Супрун обратили внимание, что такое понятие как «locución» он понимал как «устойчивое сочетание двух или более слов, обладающих функцией части речи и заранее известным единым значением, которое не является простой суммой нормальных значений компонентов» [Касарес, 1958 : 224]. В то время как под словом «modismo» ученый понимал сложное устойчивое выражение, которое состоит не менее чем из двух слов и отвечает признакам непереводимости, неизменяемости и метафоричности (Курчаткина, Супрун, 1981).

Все эти элементы образуют тело категории паремии, которая охватывает не только предметы, описанные выше, но также и все пословицы, выражения, понимаемые как группа слов, образующих выражение, смысл которого не всегда может быть понятен из прямого значения слов, составляющих его, также как это происходит с таким понятием как «modismo», часто используемого в работах Х. Касареса.

Исследователи-испанисты Н.Н. Курчаткина и А.В. Супрун, опираясь на выводы Х. Касареса и других испанских ученых, отметили, что фразеологизмы тесно связаны со спецификой того или иного языка. «Специфичность, а именно, непереводимость на другие языки преподносится как основной или иногда дополнительный критерий признака при определении фразеологической единицы. Однако ученые указывают, что непереводимость в таком случае не может быть релевантной, поскольку сравнение единиц через их перевод помогает лишь выявить сущность тех или иных языковых явлений, но не может быть в основе их определения, так как они существуют объективно и

независимо от сравнения одного языка с другим» [Курчаткина, Супрун, 1981 : 54].

Фразеологическое богатство испанского и итальянского языков изменялось и дополнялось как за счет собственных ресурсов языка, так и за счет прямого заимствования или же калькирования из других языков, с последующей адаптацией к грамматическому и лексическому строю соответствующего языка.

Говоря о лексико-грамматическом значении фразеологизмов стоит сказать, что по своей сути они «не являются предложениями, наоборот они соотносятся с той или иной частью речи и выступают в предложении в качестве одного из его членов» [Курчаткина, Супрун, 1981 : 57]. Более того, они способны выполнять синтаксические функции, присущие разным частям речи, но при этом определить их грамматическую характеристику порой представляется затруднительным.

Итальянист Т.З. Черданцева писала, что на пути выявления необходимых синтаксических функций порой важен контекст, который однако не всегда способствует общему прояснению смысла фразеологической единицы. Однако она подчеркнула, что «именно в контексте устанавливается один из важнейших признаков фразеологических единиц – нарушение внешнего семантического согласования на уровне речи» [Черданцева, 1977 : 4].

Наиболее широкий пласт фразеологизмов занимают единицы с компонентом-библейзмом, которые как правило, переходили не из одного языка в другой, а наоборот, в каждом из них происходил процесс уникальной интерпретации общего источника – Библии. Важно помнить, что несмотря на символическую переосмысленность религиозного текста, библейская тематика интернациональна, потому что фразеологические единицы выстраиваются вокруг общего символа, формируя межъязыковые параллели. Однако различия в значении этих единиц, или же их отсутствие в языке, обусловлены иным спектром коннотаций библейских имен, которыми обладает язык.

Как в специфико-национальных, так и в заимствованных фразеологических единицах в качестве источника возникновения используются обычаи, легенды, история и христианские обычаи религии народа. Многие из этих фразеологизмов функционируют как в бытовой сфере, так и широко употребляются в произведениях художественной литературы.

К. Мельядо Бланко, проанализировав и сравнив фразеологизмы испанского и немецкого языков, пришла к выводу о том, что: «*comúnmente se suele reconocer el carácter de «internacionalismo» de los fraseologismos procedentes de la Biblia, cayendo en el tópico de subrayar el alto o total grado de equivalencia entre este tipo de frases idiomáticas en las distintas lenguas del Occidente cristiano*» (обычно признается «интернациональный» характер фразеологизмов, источником которых является Библия, и подчеркивается высокая или полная степень эквивалентности этих типов идиоматических фраз в разных языках христианского Запада) [перевод наш – Н.Т.] [Mellado Blanco, 2017 : 65]. Некоторые фразеологические единицы с религиозным компонентом исследовались в статьях Калеро Фернандес (Calero Fernández, 1999, 2000), Луке Надаль (Luque Nadal, 2009, 2010), а также отечественных лингвистов Н.В. Титаренко (Титаренко, 2014) и К.И. Немцевой (Немцева, 2017).

Таким образом, фразеологизмы с компонентом-библеизмом, имеющие в качестве источника один предмет культуры, не утрачивают своей самобытности и национальной специфики, потому что в каждом языке они приобретают особые смыслы, отражающие исторические, духовные и нравственные этапы развития народа.

Итальянист Т.З. Черданцева сделала вывод о том, что некоторая наивность фразеологизмов итальянского языка, в первую очередь, связана с тем, что большинство из них возникло на основе пословиц, отражающих отношение носителей к обычным жизненным ситуациям. Множество из них восходят к библеизмам и литературным произведениям, представляя собой результат табуирования, а также использование такого метода как эвфемическая замена (Черданцева, 2000).

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что фразеологизмы – это культурные понятия, которые, по сути, являются специфически-культурными для каждой страны или культуры. Многие из них обладают сложной семантической и прагматической структурой, речь о которой пойдет в следующей главе данной научной работы. Фразеология, наряду с другими идеологическими элементами, образует сеть идей, ценностей, принципов действия, советов, объяснений того, как и почему все происходит в мире. Образ, возникающий благодаря ассоциациям, является основой фразеологизмов, т.е. «промежуточным звеном» на пути установления их значения, состоящих из слов-компонентов не имеющих значения.

Выводы по главе 1

Изучив различные научные работы, посвященные лингвокультурологическому направлению в лингвистике, мы смогли прийти к следующим выводам:

1) обособление лингвокультурологии в самостоятельную научную дисциплину позволило выявить новый вид анализа языковой системы – лингвокультурологический. Он производится не только на основе ее грамматической или лексической структуры, как это происходило ранее, но и в комбинации с культурологическими факторами, влияющими на появление тех или иных единиц или же изменение уже используемых в языке;

2) связь языка и культуры несомненна, поскольку развитие языка невозможно без проникновения в него различных элементов культуры, а выражение и передача культуры невозможны без языка. Помимо того, что они имеют немало общих черт, они представляют собой специфические формы сознания, отражающие национальное мировоззрение, как отдельного человека, так и нации в целом;

3) каждая эпоха или поколение наделены рядом особых культурных кодов, способных изменять уже существующие коды и порождать при этом новые. Культурный код это некая «сетка», сквозь которую носители оценивают

и структурируют процессы, происходящие в окружающем их мире, с помощью символики, метафор, фразеологизмов или эвфемии;

4) несмотря на всевозможные изменения, происходящие в истории человечества, духовный или религиозный культурный код сохраняется, накапливается и проецируется посредством языка, передавая духовно-религиозные концепты от поколения к поколению;

5) среди большого числа семантических пластов любого языка, фразеология, без сомнения, является наиболее культуроемкой, ярко проецирующей накопленные народные традиции и обычаи, и наиболее полно передающая все особенности культуры, которые бережно передаются от одного носителя к другому;

6) благодаря работам отечественных, испанских и итальянских исследователей, а также принимая во внимание некоторую общность культур данных языков, большое количество единиц, находящихся в нише фразеологии, занимают те, в состав которых входит компонент-библейзм, в силу распространенности религиозной тематики.

Глава 2. Религиозный код культуры во фразеологии испанского итальянского языков

Изучение религиозного аспекта во фразеологии, основанное на сравнительном анализе религиозного компонента во фразеологизмах испанского и итальянского языков, позволило нам не только оценить его важность для повышения уровня эффективности межкультурной коммуникации носителей языков, но и выделить ряд характерных черт.

Как отмечает Н.Г. Мед, проводившая исследование на базе фразеологии испанского языка, «языковое сознание испанцев перерабатывает понятия, связанные с религией, именами святых, библейскими и церковными реалиями, особым способом, выделяя в них свои собственные префразеологические аспекты» [Мед, 2008 : 71].

Для проведения данного исследования мы обратились к фразеологическим словарям в поисках единиц с религиозным компонентом, например, именами святых, церковными понятиями, а также единицами, связанными с библейскими реалиями. Проведя анализ, мы смогли выделить несколько тематических разделов, а также распределить фразеологические единицы по нескольким семантическим группам. Общий объем примеров, использованных в создании классификации, составляет 108 фразеологизмов, из которых 59 испанских единиц и 49 итальянских.

2.1. Тематическая классификация фразеологизмов

В современных работах, посвященных фразеологии того или иного языка, все большее внимание уделяется тематической или идеографической классификации единиц. В нашем исследовании мы отобрали несколько десятков примеров на испанском и итальянском языках и создали классификацию, основанную на выделении фразеосемантических групп на основе концептов.

2.1.1. Фразеологизмы, связанные с библейской тематикой

Во фразеологии испанского языка единицы религиозного происхождения составляют весьма многочисленную ее часть. Компоненты-библейзмы настолько глубоко и прочно закрепились в языке, что многие выражения могут вызывать трудности верного декодирования для человека, не обладающего достаточными знаниями библейских источников.

В испанском компаративном фразеологизме исп. *ser más viejo que Matusalén*¹ (букв. быть старше Мафусаила, перен. очень старый) наблюдается отсылка к книге «Бытие» (Ветхого Завета), повествующей о старце по имени Мафусаил, который прожив 969 лет (смог пережить собственного отца на 604 дня), стал самым известным долгожителем. В итальянском языке мы можем найти пример с похожим значением и этимологией, а именно итал. *più vecchio di Matusalemme*² (перен. старый как мир).

Ряд фразеологизмов, связанных с повествованием жизни Марии Магдалины, последовательницы Иисуса Христа, например, исп. *llorar como una Magdalena*³ (букв. плакать, как Мария Магдалина, перен. лить слезы в три ручья), исп. *no está Magdalena para tafetanes*⁴ (букв. Магдалине не до нарядов, перен. быть не в духе) – относят нас к грешной Марии Магдалине (согласно католической традиции), излеченной Иисусом от семи бесов, а именно от блудничества, и раскаявшейся и отрешившейся от своего прошлого, следующей за Христом в качестве жены-мироносицы.

Пожалуй, данная классификация фразеологических единиц является наиболее интересной, поскольку при отсутствии ярко выраженного компонента-библейзма их трактовка порой неясна, в силу того, что истоки ее возносятся к событиям, описанным в Библии.

Например, несколько архаичное выражение исп. *apurar/beber(se) el cáliz hasta las heces*⁵ (букв. испить/осушить чашу до осадка, перен. выпить горькую

1 Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas/ Libro electrónico, 2012. 988 p.

2 Черданцева Т.З., Рецкер Я.И., Зорько Г.Ф. Итальянско-русский фразеологический словарь/ под ред. Я.И. Рецкера. – М.: Рус. яз., 1982. – 1056 с.

3 там же

4 там же

5 Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas/ Libro electrónico, 2012. 988 p.

чашу до дна). Если обратиться к тексту Библии, то в евангельском эпизоде в Гефсимании, когда ангел собирает в чашу пот и кровь Христа, который, не понимая причину ожидающих его страданий, кричит: «Отче, убери от меня эту чашу» (Матфея, XXVI, 39; Марка, X, 38 и XIV, 36 и Луки, XXII, 42). Таким образом, фразеологизм можно понять как самый неприятный итоговый момент в той или иной ситуации [Buitrago Jiménez, 2012 : 58].

В испанском языке такая фразеологическая единица как исп. *donde Cristo dio las tres voces*⁶ (букв. где Христос дал три гласа, перен. у черта на куличках или очень далеко) имеет библейское происхождение. Отсылка делается к эпизоду из Евангелия, когда «Христос удалился в пустыню, чтобы поститься и молиться, прежде чем выйти к людям» [Эстремера Марин, 2015 : 17]. Спустя сорок дней и ночей поста, согласно тексту Нового Завета, он должен был успешно преодолеть три искушения или три отказа Сатане, которым подвергся Иисус в пустыне. Такая стойкость инициировала употребление такого понятия как «три гласа», имея в виду троекратное громкое и решительное отвержения демона Иисусом Христом. Интересно, что перуанцы для обозначения далекого местоположения чего-либо, употребляют выражение с компонентом дьявол исп. *donde el diablo perdió el poncho*⁷ (букв. где дьявол потерял пончо, перен. у черта на рогах), являющимся частичным эквивалентом фразеологизма, используемого в рамках испанского языка, однако на территории неконтинентальной Испании.

Принятие судьбы человеком – довольно востребованная тема в религии, в испанском языке выразилась через фразеологизм исп. *a quien Dios se la dé, san Pedro se la bendiga*⁸ (букв. что Бог дал, святой Петр благословит). Согласно словарю А. Buitrago: «con esta frase damos a entender que se debe aceptar el destino, que cada cual debe asumir sus responsabilidades» (под этим выражением мы подразумеваем, что судьба должна быть принята и что каждый должен

6 Эстремера Марин К. Практическая фразеология испанского языка (в сравнении с русским) = Fraseología práctica comparada ruso-español : многочисленные упражнения, классифицированные по разным уровням владения языком / Кармен Марин Эстремера. – Москва : URSS : Ленанд, 2015. – 233 с.

7 Emilio Rivano F. Diccionario de chileno actual (Volume I and II), 2012.

8 Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas/ Libro electrónico, 2012. 988 p.

взять на себя возложенные на него обязанности) [перевод наш – Н.Т.] [Buitrago Jiménez, 2012 : 28]. С духовной точки зрения, все происходящее происходит по воле Бога. Следовательно, подобно тому, как Святой Петр должен повиноваться, человек должен принять свою судьбу и попросить благословения Святого Петра, потому что он получил от Иисуса задание быть главой Церкви, народа Божьего.

В итальянском языке наблюдается похожая картина, например, значение выражения итал. *essere come l'arca di Noé*⁹ (букв. быть как Ноев ковчег, перен. давка, скученность, теснота) относит нас к Библии, в которой описан процесс создания ковчега Ноем по поручению Бога, для спасения семьи и других живых существ от предсказанного Потопа. Аналогичное значение содержится и в испанском фразеологизме исп. *ser el arca de Noé*¹⁰ (букв. быть Ноевым ковчегом).

Значение фразеологизма итал. *passare dall'osanna al crucifige*¹¹ (букв. переход от осанны (хвалебная песнь) к распятию, перен. бросаться из одной крайности в другую) не может быть расшифровано верно без предварительного обращения к Библии. Согласно ей, выражение указывает на резкий переход от богатой и престижной жизни к состоянию нищеты, где человек становится объектом презрения и осуждения. Речь здесь идет о Христе, прославленном при входе в Иерусалим в Вербное воскресенье, в качестве спасителя иудейского, и через шесть дней посланном на смерть, под доносящиеся из толпы крики "Распятие!" (Матфея, 21, 9 и 27. 22-23) [Dizionario dei Modi di Dire per ogni occasione, 2004 : 79].

Благодаря единому источнику возникновения фразеологических единиц – Библии, множество выражений испанского языка можно встретить и в итальянском. Например, исп. *año sabático*¹² и итал. *anno sabatico*¹³ (букв.

9 Quartu B. M. Dizionario dei modi di dire della lingua italiana : 10.000 modi di dire ed estensioni figurate in ordine alfabetico per lemmi portanti e campi di significato / B.M. Quartu. - [4-a ed.]. - Milano : Bibl. universale Rioli, 2001. - XIII, 714 p.

10 Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas/ Libro electrónico, 2012. 988 p.

11 Dizionario dei Modi di Dire per ogni occasione, 2004. 99 p

12 Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas/ Libro electrónico, 2012. 988 p.

13 L'Istituto della Enciclopedia Italiana da Giovanni Treccani/ Vocabulario [электронный ресурс]

субботний год, перен. творческий отпуск), т.е. период, когда привычная работа на мгновение откладывается для отдыха или для того, чтобы посвятить себя другим делам. Этот обычай широко распространен в англосаксонских странах, особенно среди университетских профессоров, которые в это время посвящают себя учебе или научным исследованиям. Субботний год был предусмотрен в еврейском законе, который, следуя велению Моисея (Исход, XXII, 10-12), предписывал, чтобы после шести лет сбора урожая землю оставляли в покое на протяжении одного года. В этот период не было работы на полях, не платили дань, прощали долги и освобождали рабов. Слово субботний, как и суббота, происходит от еврейского «sabbath» (т.е. «еженедельный отдых») [Buitrago Jiménez, 2012 : 56]. Отметим, что в иудейской религии суббота, священный день, является седьмым днем, поскольку неделя начинается с воскресенья.

В качестве еще одного примера, демонстрирующего родство двух языков, можно привести выражение итал. *il bacio di Giuda*¹⁴ (букв. поцелуй Иуды, перен. предательство), аналогом которого в испанском языке является выражение исп. *abrazo/ beso de Judas*¹⁵ (букв. объятие/ поцелуй Иуды). Для более понимания истоков, обратимся к словарю *Modi di Dire*, в котором приводится описание событий этого рокового момента в жизни Христа: «l’apostolo Giuda Iscariota tradì Cristo per trenta denari, baciandolo nell’orto degli ulivi, (Luca, 22, 47-48) e con tale gesto indicandolo agli sgherri dei sommi sacerdoti» (Апостол Иуда Искарот предал Христа за тридцать динариев, поцеловав его в масличном саду (Лука, 22, 47-48) и этим жестом указав на приспешников первосвященников) [перевод наш – Н.Т.] [Dizionario dei Modi di Dire per ogni occasione, 2004 : 54]. Данное высказывание означает ложное проявление дружбы, часто с намеренной целью отвести любые подозрения от того, кто собирается совершить предательство.

Несложное, на первый взгляд, в понимании выражение, используемое носителями итальянского языка, итал. *vade retro, Sàtana!*¹⁶ (букв. иди назад,

¹⁴ Dizionario dei Modi di Dire per ogni occasione, 2004. 99 p

¹⁵ Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas/ Libro electrónico, 2012. 988 p.

¹⁶ Dizionario dei Modi di Dire per ogni occasione, 2004. 99 p.

Сатана!, перен. иди прочь, Сатана!) все же требует пояснения, для его корректного употребления в речи. Данную фразу используют, как правило, в шутливо-скандальном тоне, чтобы отвергнуть лесть тех, кто хочет заставить нас делать то, что мы не можем или не хотим делать. С этими словами Иисус изгнал дьявола, искушавшего его в третий раз после сорокадневного поста в пустыне (Матфея, 4, 10) (Dizionario dei Modi di Dire per ogni occasione, 2004).

В результате анализа, мы выяснили, что трактовка большей часть фразеологизмов требует отсылки к Священному Писанию, при этом, среди них ключевым компонентом являлось событие, связанное с именем того или иного святого. В связи с этим потребовалось проведение исследования, заключающееся в поиске дополнительной информации о жизни и образе святого, имя которого упомянуто в выражении.

2.1.2. Имена святых

Одними из самых богатых источников для образования фразеологизмов являются библейские имена (антропонимы и топонимы, например, имена святых, апостолов, персонажей из Старого и Нового заветов, названия мест, городов). В разных языках выражения из одинаковых источников приобретают дополнительные оттеночные значения, обуславливаемые национально-культурной спецификой того или иного народа.

В испанском языке ярко представлены отрицательные персонажи Библии, такие как Каин и Иуда, олицетворяющие предательство и измену близких людей. Например, в выражениях исп. *pasar/ sufrir las de Caín*¹⁷ (букв. испытывать Каиновы муки, перен. хлебнуть горя) и исп. *estar más negro que el alma de Judas*¹⁸ (букв. быть чернее души Иуды). В качестве другого примера можно привести выражение исп. *más ladrón que Gestas*¹⁹ (букв. больший вор, чем Гестас, перен. настоящий вор), содержащее имя нераскаявшегося разбойника, распятого слева от Иисуса Христа. Из двух разбойников, распятых

17 Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas/ Libro electrónico, 2012. 988 p.

18 там же

19 там же

с Христом, «плохим» был именно Гестас, тот, кто, согласно Евангелию, сказал ему: «Если ты Мессия, спаси себя и спаси нас» (Buitrago Jiménez, 2012).

Среди множества библейских имен, существует немалое число выражений, содержащих в себе имя Мария в испанском и Мадонна в итальянском, т.е. матери Иисуса Христа – Девы Марии (или же Богородицей по православным канонам именованию).

С точки зрения этимологии выражение исп. *¡Ángela María!*²⁰ (букв. Анхела Мария!) привлекает особое внимание. На самом деле мы должны сказать «¡Ángel a María!» («Ангел Марии!») потому что, высказывание связано с изумлением Девы Марии, когда Ангел (архангел Гавриил) объявил о непорочном зачатии Сына Божьего, т.е. «El Ángel del Señor anunció a María» (Ангел Господень возвестил Марии) [перевод наш – Н.Т.] [Buitrago Jiménez, 2012 : 55]. Мы используем это фразеологическое восклицание, чтобы выразить изумление и удивление. Данный пример отражает любопытный феномен «fonética sintáctica» («синтаксической фонетики»), т.е. процесс, при котором слова разделяются по-разному, когда мы произносим и когда пишем), и таким образом феномен, породивший, казалось бы, необъяснимое женское имя [Ibidem: 55].

Итальянское выражение итал. *essere la Madonna pellegrina*²¹ (букв. быть странствующей Богоматерью, перен. не сидеть на месте, постоянно перемещаться), содержащее имя Богоматери, используется для обозначения человека, который постоянно перемещается. Оно может относиться к тем, кто часто меняет место жительства, или к тем, кто много путешествует. Выражения происходит от обычая носить изображение, статую или картину Пресвятой Девы Марии в процессии или в церквях определенной территории в качестве покровительницы мира.

(<https://435-dot-dizykit.appspot.com/it/doc/4553756255453184>).

²⁰ там же

²¹ Quartu B. M. Dizionario dei modi di dire della lingua italiana : 10.000 modi di dire ed estensioni figurate in ordine alfabetico per lemmi portanti e campi di significato / B.M. Quartu. - [4-a ed.]. - Milano : Bibl. universale Rioli, 2001. - XIII, 714 p.

В итальянской культуре мы находим ряд фразеологизмов, в которых встречается имя Марии Магдалины, характеризующихся крайне необычным значением, например, итал. *fare da Maddalena*²² (перен. работать за всех, отдуваться) или итал. *fare da Marta e da Maddalena*²³ (перен. везде успевать, быть в каждой бочке затычкой), т.е. «allude ai rispettivi simboli assunti nel tempo da questi due personaggi evangelici: Marta è quello della vita attiva, Maddalena quello della vita contemplativa» (делается отсылка к соответствующим образам двух евангельских персонажей, принятым с течением времени: Марфа – символ активной жизни, Магдалина – созерцательной жизни) [перевод наш – Н.Т.] [<https://dizionari.corriere.it/dizionario-modi-di-dire>]. Другой пример, имеющий в своем составе имя святой, итал. *ti dia la Maddalena!*²⁴ (букв. дай тебе Магдалину!, перен. чтоб тебя повесили!) является грубым выражением и пожеланием несчастья. Важно отметить, что по имени «*Maddalena*» («Магдалина») имеется в виду колокольня на башни Палаццо дель Барджелло во Флоренции, где размещалась полицейская стража. Звон колоколов возвещал о совершении казни через повешение (Черданцева Т.З., Рецкер Я.И., Зорько Г.Ф. Итальянско-русский фразеологический словарь, 1982). Фразеологизм демонстрирует случай употребления имени собственного в качестве нарицательного.

Для более глубокого изучения социокультурного компонента не менее важно знакомство с трактовками образов и выражений, характерных не только для страны в целом, но и для каждой отдельной области или провинции.

Испанская и арабская культура на протяжении многих веков имели сложные и весьма переплетенные взаимоотношения. Это отличает испанский фразеологический фонд от итальянского тем, что он становится более широким и разнообразным не только за счет собственного фольклора, но и употребления заимствованных арабских понятий и имен. Это проявляется, например, в

---

22 Черданцева Т.З., Рецкер Я.И., Зорько Г.Ф. Итальянско-русский фразеологический словарь/ под ред. Я.И. Рецкера. – М.: Рус. яз., 1982. – 1056 с.

23 там же

24 там же

выражении исп. *buen día, que santa Mahoma*²⁵ (букв. добрый день тот, когда поет Мухаммед, перен. хорош будет день грядущий), содержащем имя пророка Мухаммеда, основателя ислама. Происхождение фразеологизма связано с первым призывом к молитве, который доносится с минарета в мусульманских странах. Существует мнение, что данная традиция генерализировалась во время арабского владычества в Испании и приобрела известное нам значение (Buitrago Jiménez, 2012).

Сложное переплетение арабской и испанской культур отпечаталось не только в языках на территории Испании, но и проникло в язык стран-соседей, а именно, в Италию. Имя святого мученика Бернардо Альсирийского, андалузского принца Ахмеда аль-Мансура, распространенное в испаноязычных странах, перешедшего из ислама в католичество, нашло свое отражение и в итальянском языке. Испанский фразеологизм исп. *salsa de San Bernardo*²⁶ (букв. соус Святого Бернарда, перен. волчий голод), имеющий лишь прямое значение «голода», имеет эквивалент в итальянской культуре: итал. *salsa di San Bernardo*²⁷ (букв. соус Святого Бернарда, перен. голод), который употребляется еще и в ироничном смысле и означает «хороший аппетит». В словаре Испанской Академии DRAE приводится следующее значение фразеологизма: «hambre o apetito que hace no reparar en que la comida esté bien o mal sazónada» (голод или аппетит, из-за которых нельзя понять, что еда хорошо или плохо приправлена) [перевод наш – Н.Т.] [DRAE, <https://dle.rae.es/San%20Bernardo?m=form2>].

Аналогичным примером выражений – полных эквивалентов является испанский фразеологизм исп. *buscar a María por Rávena*²⁸ (букв. искать Марию в Равенне, перен. искать ветра в поле), который соответствует уже мало употребляемому выражению в итальянском итал. *cercare Maria per Ravenna*²⁹

25 Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas/ Libro electrónico, 2012. 988 p.

26 Dizionario italiano De Mauro. Il dizionario online della lingua italiana. [Электронный ресурс]

27 Quartu B. M. Dizionario dei modi di dire della lingua italiana : 10.000 modi di dire ed estensioni figurate in ordine alfabetico per lemmi portanti e campi di significato / B.M. Quartu. - [4-a ed.]. - Milano : Bibl. universale Rioli, 2001. - XIII, 714 p.

28 Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas/ Libro electrónico, 2012. 988 p.

29 Черданцева Т.З., Рецкер Я.И., Зорько Г.Ф. Итальянско-русский фразеологический словарь/ под ред. Я.И. Рецкера. – М.: Рус. яз., 1982. – 1056 с.

(букв. искать Марию в Равенне). Происхождение выражения в испанском языке, вероятнее всего, находим в латинском выражении «*ravennae maria quaerere*» («искать моря в Равенне»), что означает прямо противоположное, «искать что-то, что легко найти, то, что есть в изобилии». Изменение значения можно объяснить, если рассмотреть географическое положение Равенны, города на севере Италии, омываемого Адриатикой, одного из самых важных портов Средиземноморья. В некоторых старых итальянских диалектах слово «*maria*» («моря»), путали с именем женщины Мария, но т.к. выражение «*segsare Maria per Ravenna*» («искать Марию в Равенне») уже было задокументировано в нынешнем значении, оригинальный смысл был утрачен. Более чем возможно, что эта фраза проникла в испанский язык, благодаря солдатам, совершавшим походы в Италию в XVI-XVII веках [https://natureduca.com/cultureduca/dichos_b_buscarmaria01.php].

Родство итальянского и испанского языков не всегда выражается в их культурном обмене, поскольку выражение одного и того же явления, может быть представлено совершенно различным способом, как например, выражение с религиозным компонентом итал. *andare col cavallo di San Francesco*³⁰ (букв. ехать на лошади Святого Франциска, перен. идти пешком, на своих двоих) имеет свой аналог в испанском языке, однако уже не имея религиозной этимологии: исп. *ir en el coche de san Fernando*³¹ (букв. ехать в машине Сан-Фернандо). Итальянский словарь *Modi di Dire* поясняет, что лошадь Святого Франциска Ассизского – это ничто иное как посох, с помощью которого святой помогал себе ходить (*Modi di Dire*, <https://imodididire.it/>). В то время как в испанском языке появлению данного выражения мы обязаны «*a la inconmensurable fuerza de la rima*» («неизмеримой силе рифмы») – «*ir en coche de San Fernando, un rato a pie y otro andando*» [Buitrago Jiménez, 2012 : 374].

³⁰ Quartu B. M. Dizionario dei modi di dire della lingua italiana : 10.000 modi di dire ed estensioni figurate in ordine alfabetico per lemmi portanti e campi di significato / B.M. Quartu. - [4-a ed.]. - Milano : Bibl. universale Rioli, 2001. - XIII, 714 p.

³¹ Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas/ Libro electrónico, 2012. 988 p.

Среди многочисленных фразеологизмов с религиозным компонентом в испанском языке существуют и те, которые заимствовали имена святых, принадлежащих другой культуре католической страны. Например, испанское выражение исп. *cuéntaselo a Rita*³² (букв. рассказывай это Рите, перен. не верю) использует имя итальянской Святой Риты Кашийской XV века, которая в католицизме считается заступницей в безнадёжных ситуациях. Таким образом, фразу можно понять как «расскажи это сумасшедшему или тому, кто их понимает, потому что я тебе не верю» (Buitrago Jiménez, 2012).

Другая святая Лучия (Луция) Сиракузская встречается не только в итальянском языке, упоминания о которой относятся к IV-V векам, но и в испанском, в следующем выражении исп. *pasar uno por los espinos de Santa Lucía*³³ (букв. ступать по терниям Святой Луции, перен. испытывать сильные страдания). Текст ее жизнеописания гласит, что ее неотступный характер и отказ быть отправленной в публичный дом преследующим ее отвергнутым женихом, привел к мучительным пыткам, после которых она была убита ударом меча. Считается также, что она вырвала глаза, дабы не видеть нежеланного преследователя, в связи с чем она стала покровительницей слепых.

А.С. Лаврентьева отметила, что «во фразеологизмах был переосмыслен образ шипа», которым по легенде Святой Луции выкололи глаза, а именно стал символом худобы, например, исп. *ser como la espina de Santa Lucía*³⁴ (букв. быть как шип Святой Луции, перен. быть худым как жердь) и исп. *estar (quedarse) uno en la espina (de Santa Lucía)*³⁵ (перен. сильно похудеть, дойти до крайнего истощения) [Лаврентьева, 2016 : 151].

2.1.3. Фразеологизмы тематической группы «дьявол», «грех» и «смерть»

---

³²там же

³³ Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas/ Libro electrónico, 2012. 988 p.

³⁴Левинтова Э.И., Вольф Е.М., Мовшович Н.А., Будницкая И.А. Испанско-русский фразеологический словарь/ под ред. Э.И. Левинтовой. – М.: Рус. яз., 1985. – 1080 с.

³⁵там же

Близкое родство языков наблюдается в выражениях, объединенных общим тематическим полем «дьявол или черт». Например, выражения исп. *venderle el alma al diablo*³⁶ или исп. *dar el alma al diablo*³⁷ (букв. продать/ отдать душу дьяволу, перен. делать все для получения желаемого) и итал. *vendere l'anima al diavolo*³⁸ (букв. продать душу дьяволу), имеющие в своем составе религиозный образ, имеют отнюдь не религиозное происхождение. Выражение относится к Фаусту, легендарному персонажу, заключившему договор с дьяволом, которому он продал свою душу в обмен на вечную молодость (Buitrago Jiménez, 2012).

Отрицательный и негативный образ беса или черта в христианстве может быть выражен по-разному, например, в итальянском языке итал. *avere un Diavolo per capello*³⁹ (букв. иметь дьявола на волосах, перен. быть очень раздраженным, в плохом настроении), этот фразеологизм способен выразить гневное состояние человека, словно дьявол тащит за волосы. Испанский фразеологизм исп. *como alma que lleva el diablo*⁴⁰ (букв. как душа, которую несет дьявол, перен. во весь дух, что есть мочи) означающий «поспешно уходить или убегать с безумной скоростью, находясь в тревожном и возбужденном состоянии», по аналогии с итальянским, выражает неприятное состояние при виде образа дьявола.

Такие фразеологизмы как исп. *a muerte*⁴¹ (букв. до смерти, перен. до конца) и итал. *a morte*⁴² являются одними из многих гиперболических выражений, используемых в разговорной речи, заставляющих думать, что можно отстоять и защитить свои идеи вплоть до мученичества.

Фразеологизмы, связанные с употреблением слова «смерть», не всегда олицетворяют печальный момент ухода из жизни человека, как это

36 Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas/ Libro electrónico, 2012. 988 p.

37 Julio D. Cejador y Frauca, Fraseología o Estilística Castellana, Madrid, 1921. 404 p.

38 Dizionario italiano De Mauro. Il dizionario online della lingua italiana. [Электронный ресурс]

39 Черданцева Т.З., Рецкер Я.И., Зорько Г.Ф. Итальянско-русский фразеологический словарь/ под ред. Я.И. Рецкера. – М.: Рус. яз., 1982. – 1056 с.

40 Diccionario de la lengua española DRAE. 23ª edición [Электронный ресурс]

41 Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas/ Libro electrónico, 2012. 988 p.

42 Черданцева Т.З., Рецкер Я.И., Зорько Г.Ф. Итальянско-русский фразеологический словарь/ под ред. Я.И. Рецкера. – М.: Рус. яз., 1982. – 1056 с.

проиллюстрировано в выражении исп. ***a morir***/ исп. ***a morir por Dios***⁴³ (букв. умереть/ умереть во имя Господа, перен. с Богом!). Выражение употребляется при поощрении деятельности кого-либо или подбадривании самого себя, прежде чем что-то сделать или принять решение (Buitrago Jiménez, 2012).

В итальянском языке данное явление раскрывается иначе, например, итал. ***sapere di che morte morire***⁴⁴ (букв. знать от чего умереть, перен. знать, чем все закончится), т.е. в своем привычном значении ухода из мира живых. Другое выражение итал. ***vedere la morte in faccia***⁴⁵ (букв. видеть смерть в лицо, перен. смотреть смерти в глаза), также имеющее отношение к неприятному ощущению приближения кончины, а именно нахождению в серьезной опасности для жизни и осознании этого.

В продолжение темы «смертности», стоит упомянуть такое важное понятие как «грех», вокруг которого построена вся деятельность человека. Например, итальянский фразеологизм итал. ***brutto come il peccato***⁴⁶ (букв. страшен как грех) в котором внешность человека может быть сравнима с абстрактным образом греха, ведь последствия его совершения ужасающим образом уже не раз были описаны не только в легендах и священных текстах, но и литературных произведениях разных народов.

Другой пример итальянской фразеологии: итал. ***peccato di gioventù***⁴⁷ (букв. грех молодости, перен. ошибка молодости), означающее чувство вины, возникающее из-за неопытности или юношеских страстей. Одно время данное выражение обычно относилось к неправильной любви и, прежде всего, к незаконнорожденному ребенку; сегодня его чаще всего используют в шутовском смысле (Dizionario italiano De Mauro, <https://dizionari.corriere.it/dizionario-modi-di-dire/>).

43 Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas/ Libro electrónico, 2012. 988 p.

44 Quartu B. M. Dizionario dei modi di dire della lingua italiana : 10.000 modi di dire ed estensioni figurate in ordine alfabetico per lemmi portanti e campi di significato / B.M. Quartu. - [4-a ed.]. - Milano : Bibl. universale Rioli, 2001. - XIII, 714 p.

45 там же

46 там же

47 Dizionario dei Modi di Dire della lingua italiana. [Электронный ресурс]

Следующий пример, выражения итал. *peccato mortale*⁴⁸/ итал. *peccato di Dio*⁴⁹ (букв. смертный грех/ Божейский грех), а также их испанский аналог: исп. *pecado mortal*⁵⁰ (букв. смертный грех), описывают серьезную ошибку или же то, о чем можно горько сожалеть, в том числе, когда речь идет о больших тратах. Можно сказать, фразеологизм иллюстрирует поступок предосудительный или полностью отрицательный (Dizionario italiano De Mauro, <https://dizionari.corriere.it/dizionario-modi-di-dire/>).

Как мы смогли отметить, тема духовность и грешности крепко переплетены друг с другом за счет своего непрерывного противостояния в христианской религии. Поэтому отнести ту или иную фразеологическую единицу лишь к одной группе «грех» или «душа» не представляется возможным.

2.1.4. Фразеологизмы тематической группы «душа», «Бог» и «святость»

Помимо выражений, содержащих в себе имена собственные и реалии Священного Писания, значительную группу составляют фразеологизмы, образованные от основных абстрактных религиозных понятий, а именно душа и Святой дух.

Сравнивая степень выраженности понятия «душа» во фразеологических единицах, мы пришли к выводу о том, что это одно из универсальных религиозных понятий для представителей многих языков, по сравнению, например, с образами библейских заветов. В испанском и итальянском языках мы находим почти одинаковые по содержательной и формальной стороне выражения, например, исп. *con alma y vida*⁵¹/ *con toda el alma* и итал. *di tutto l'animo*⁵² (букв. всей душой); исп. *poner todo el alma*⁵³ и итал. *porre l'animo*⁵⁴

48 Dizionario dei Modi di Dire della lingua italiana. [Электронный ресурс]

49 там же

50 Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas/ Libro electrónico, 2012. 988 p.

51 Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas/ Libro electrónico, 2012. 988 p.

52 Dizionario dei Modi di Dire della lingua italiana. [Электронный ресурс]

53 Левинтова Э.И., Вольф Е.М., Мовшович Н.А., Будницкая И.А. Испанско-русский фразеологический словарь/ под ред. Э.И. Левинтовой. – М.: Рус. яз., 1985. – 1080 с.

54 Dizionario dei Modi di Dire della lingua italiana. [Электронный ресурс]

(букв. вложить душу) и многие другие, способные выразить полную отдачу человека делу.

Более специфичные фразеологизмы все также могут быть доступны для понимания иностранцу, не принимая во внимание особые реалии страны, например выражение: исп. *alma de cántaro*⁵⁵ (букв. душа кувшина, перен. черствый характер), поскольку возможно провести наглядное сравнение или же выражения исп. *estoy con el alma en un hilo*⁵⁶ (букв. душа в нитке, перен. душа в пятки ушла), исп. *caérsele a alguien el alma a los pies*⁵⁷ (букв. упасть душой к ногам, перен. упасть духом, опустить руки) символизирующие глубокое разочарование, отвращение или дискомфорт, сопровождающийся неспособностью человека реагировать.

В рамках тематического поля «душа» возможно описать характер человека, например в таких выражениях как: исп. *alma de Caín*⁵⁸ (перен. грубый, жестокий) или исп. *alma de Dios*⁵⁹ (букв. душа Бога, перен. добродушный, простой).

Как известно, нарушение душевного спокойствия, может привести к нервному и жесткому поведению, как это например представлено в итальянском выражении итал. *romper l' anima*⁶⁰ (букв. ломать душу, перен. раздражать).

Положительный образ Бога в итальянском языке выражается и в следующем примере, итал. *grazia di Dio*⁶¹ (букв. Божья благодать, перен. изобилие, богатство), поскольку, проведя параллель с Библией о том, что все дарованное Богом – есть дар, мы понимаем, что любую вещь или событие следует воспринимать как богатство жизни, которым обладает любой, вне зависимости от его финансового или социального положения.

---

55 Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas/ Libro electrónico, 2012. 988 p.

56 там же

57 там же

58 там же

59 там же

60 Dizionario dei Modi di Dire per ogni occasione, 2004. 99 p

61 Quartu B. M. Dizionario dei modi di dire della lingua italiana : 10.000 modi di dire ed estensioni figurate in ordine alfabetico per lemmi portanti e campi di significato / B.M. Quartu. - [4-a ed.]. - Milano : Bibl. universale Rioli, 2001. - XIII, 714 p.

В качестве примера употребления образа Бога для выражения бытовых понятий, можно привести фразеологизм итал. *essere nella mente di Dio*⁶² (перен. быть далеко в будущем), которое обычно используется для обозначения смутной и бесформенной идеи или проекта. Также используется для описания человека, который еще не родился, или для события, которое еще не произошло (Dizionario dei Modi di Dire, <https://dizionari.corriere.it/dizionario-modi-di-dire/index.shtml>).

Для выражение сложной ситуации, когда не знаешь, как действовать и к кому обратиться за помощью или советом, носители итальянского языка используют выражение итал. *non sapere a che santo voltarsi*⁶³ (букв. не знать, в сторону которого духа повернуться, перен. не знать, что делать), имея ввиду, что человек находится в смятении, что не в состоянии понять, кому из святых пообещать обет, чтобы получить благодать (Dizionario dei Modi di Dire, <https://dizionari.corriere.it/dizionario-modi-di-dire/index.shtml>).

2.1.5. Фразеологизмы тематической группы «Церковные понятия»

Отметим фразеологизм исп. *no estar muy católico*⁶⁴ (букв. быть не ярым католиком, перен. неважно себя чувствовать, быть не в своей тарелке), в котором слово «católico» («католик») долгое время отождествляли не только с «хорошим», но и с «нормальным». Возможно, это связано с пытками, которым инквизиция подвергала евреев и ложно обращенных до тех пор, пока они не «становились» в достаточной степени католиками. Тот, кто не был католиком, будет тем, кого еще ждут пытки (Buitrago Jiménez, 2012).

Особенностью испанского языка является его плотная переплетенность с арабским, например выражение исп. *hablar en cristiano*⁶⁵ (букв. говорить на христианском, перен. говорить понятно), используемое, чтобы указать, что речь

62 Dizionario dei Modi di Dire della lingua italiana. [Электронный ресурс]

63 там же

64 Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas/ Libro electrónico, 2012. 988 p.

65 Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas/ Libro electrónico, 2012. 988 p.

евреев и мусульман, так называемая «la algarabía» (от «al-arabiyyah», «арабский язык») – была непонятна испанским христианам [Buitrago Jiménez, 2012 : 489].

Само понятие «религия» нередко становится часть фразеологизма, так в итальянском существуют выражения итал. *con religione*⁶⁶ (букв. с религией) и итал. *essere senza religione*⁶⁷ (букв. быть без религии), противоположное значение которых раскрывается в словаре Modi di Dire:

1. «con religione» значит с большим вниманием и уважением относится к чему-либо, обращаюсь как с нечто священным и почетным;

2. а «essere senza religione» значит быть нечестным, аморальным, беспринципным или даже порочным, как и полагается атеистам или неверующим, не имеющим религии. (Dizionario dei Modi di Dire, <https://dizionari.corriere.it/dizionario-modi-di-dire/index.shtml>).

В испанском языке выражение исп. *hacer la pascua a alguien*⁶⁸ (букв. делать кому-то пасху, перен. вот тебе, бабушка, и Юрьев день!) имеет религиозное происхождение, а в своем составе церковное понятие «пасха». В первую очередь оно связано с иудейским ритуальным закланием пасхального ягненка, а именно намеренным употреблением слова «пасха» в его первоначальном значении. В иврите данным словом называли «переход, продвижение мимо чего-либо, имея в виду передвижение по домам египтян всесокрушающего злого духа, который убивал первенцев в день первой иудейской Пасхи» [Эстремера Марин, 2015 : 20]. В связи с этим, выражение приобрело отрицательную коннотацию и используется каждый раз, когда происходит какая-либо неприятная и неожиданная ситуация.

Говоря о праздниках, следует указать, что в итальянском языке существует выражение итал. *durare da Natale a Santo Stefano*⁶⁹ (букв. длиться от Рождества до Дня Святого Стефана, перен. промелькнуть, быстро кончиться),

⁶⁶ Quartu B. M. Dizionario dei modi di dire della lingua italiana : 10.000 modi di dire ed estensioni figurate in ordine alfabetico per lemmi portanti e campi di significato / B.M. Quartu. - [4-a ed.]. - Milano : Bibl. universale Rioli, 2001. - XIII, 714 p.

⁶⁷ там же

⁶⁸ Эстремера Марин К. Практическая фразеология испанского языка (в сравнении с русским) = Fraseología práctica comparada ruso-español : многочисленные упражнения, классифицированные по разным уровням владения языком / Кармен Марин Эстремера. – Москва : URSS : Ленанд, 2015. – 233 с.

⁶⁹ Dizionario italiano De Mauro. Il dizionario online della lingua italiana. [Электронный ресурс]

значение которого довольно просто понять, обратившись в календарю католической церкви. Буквально данное выражение можно объяснить тем, что Рождество отмечается 25 декабря, а день Святого Стефана 26 декабря. Поскольку разница между этими датами не более 24 часов, это выражение явно указывает на то, что событие не должно длиться долго. Если человек использует данное выражение, говоря о чем-либо, вам не стоит полагаться на него (<https://italianenthusiast.com/italian-expression/>).

Итальянское выражение итал. *ora canonica*⁷⁰ (букв. каноническое время, перен. время привычного дела), речь в котором идет о канонических часах (восемь в течение дня), когда Церковь предписывает священникам совершение божественного служения. В шутовом смысле это время или момент, когда человек совершает привычные действия, обедает или ужинает, ложится спать, или общается с друзьями (Dizionario dei Modi di Dire per ogni occasione, 2004).

Существует ряд фразеологизмов в итальянском языке, связанных с понятием «алтарь», а их значение порой никак не связано с самим местом или тем, что оно может олицетворять, например итал. *passare dall'altare alla polvere*⁷¹ (букв. перейти от алтаря к праху, перен. спуститься с неба на землю), а также выражение итал. *sicuro come sull'altare*⁷² (букв. безопасно как на алтаре, перен. как у Христа за пазухой, в полной безопасности).

2.2. Семантическая классификация фразеологизмов

Важнейшим фактором при фразеологическом анализе является систематизация фразеологического материала в связи с необходимостью глубже проникнуть в его семантическую систематику.

При распределении фразеологизмов согласно семантической классификации, можно придерживаться нескольких критериев. В нашем исследовании мы выделили 2 основных семантических разряда фразеологизмов: описывающие внешние и внутренние черты человека.

⁷⁰ Dizionario dei Modi di Dire per ogni occasione, 2004. 99 p.

⁷¹ Черданцева Т.З., Рецкер Я.И., Зорько Г.Ф. Итальянско-русский фразеологический словарь/ под ред. Я.И. Рецкера. – М.: Рус. яз., 1982. – 1056 с.

⁷² там же

2.2.1. Фразеологизмы, описывающие внешний вид человека

Среди примеров, вошедших в данный раздел, можно выделить такое выражение как исп. *como Dios le/la trajo al mundo*⁷³ (букв. как Бог привел в мир, перен. в чем мать родила, обнаженный), которое несмотря на то, что в своем составе имеет компонент-библеизм, довольно легок в интерпретации даже для человека, не обладающего широким кругозором в сфере религии. В итальянском языке для обозначения обнаженного тела используется фразеологизм итал. *costume/ vestito d'Adamo*⁷⁴ (букв. одежда Адама, перен. нагота), который может быть интерпретирован верно представителем, в том числе и не итальянской культуры, т.е. любым человеком, имеющим представление об образе Адама. Аналогичное значение фиксируется и в испанском языке в фразеологизме исп. *el traje de Adán*⁷⁵.

Помимо общепринятой роли спасителя, с именем Иисуса Христа могут ассоциироваться представления о человеке, который выглядит бедно, одетого в лохмотья и покрытого синяками. Такой печальный образ передается с помощью фразеологизма исп. *estar hecho un Cristo*⁷⁶ (букв. быть похожим на Христа, перен. в синяках).

В итальянском языке как и в испанском, внешний вид человека часто сравнивается с образом Христа, например, выражение итал. *bello come un Dio*⁷⁷ (букв. красивый как Господь, перен. божественно красивый). Словарь Treccani, в дополнение к просто красивой внешности человека, добавляет, что данной выражение используется для большего акцента, а именно, говоря о человеке, что: «che possegga in grado sommo qualche qualità o raggiunga l'eccellenza nell'arte sua» (обладает в высшей степени некоторыми качествами или достигает совершенства в своем деле) [перевод наш – Н.Т.] [Vocabulario

73 Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas/ Libro electrónico, 2012. 988 p.

74 Черданцева Т.З., Рецкер Я.И., Зорько Г.Ф. Итальянско-русский фразеологический словарь/ под ред. Я.И. Рецкера. – М.: Рус. яз., 1982. – 1056 с.

75 Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas/ Libro electrónico, 2012. 988 p.

76 там же

77 Quartu B. M. Dizionario dei modi di dire della lingua italiana : 10.000 modi di dire ed estensioni figurate in ordine alfabetico per lemmi portanti e campi di significato / B.M. Quartu. - [4-a ed.]. - Milano : Bibl. universale Rioli, 2001. - XIII, 714 p.

Treccani, <https://www.treccani.it/vocabolario/>]. Данный комментарий подчеркивает, что в итальянском языке использование религиозного компонента не всегда имеет прямую соотнесенность с ним.

Другое итальянское выражение итал. *povero Cristo*⁷⁸ (букв. бедный Христос, перен. бедолага, жалкий человек) отражает иной смысл, а именно: «persona che suscita compassione, pietà o simili, come Cristo mentre saliva al Calvario» (человек, пробуждающий сострадание, жалость и т.п., как например, Христос на пути к Голгофе) [перевод наш – Н.Т.] [<https://dizionari.corriere.it/dizionario-modi-di-dire/C/cristo.shtml#6>]. Фразеологизм может быть использован при описании человека, находящегося в трудной экономической ситуации или с уничижительным оттенком.

Испанское языковое сознание выделяет ряд ассоциаций, связанных с именем Иуды, например, помимо общеизвестного образа – «предателя», также может означать «неряшливость в одежде» или «отталкивающий внешний вид», заключенного в выражении исп. *parecer / estar hecho un Judas*⁷⁹ (букв. быть похожим на Иуду). В испанской фразеологии возникло выражение, с помощью которого можно описать человека, обладающего рыжими волосами, а именно исп. *pelo de Judas*⁸⁰ (букв. волосы Иуды, перен. человек с рыжими волосами).

В христианской культуре принято считать, что понятия, связанные с бесом, носят отрицательный характер. Например, итальянский фразеологизм итал. *brutto come il demonio/ brutto come il diavolo*⁸¹ (перен. ужасный, уродливый). Дьявол всегда изображается с очень неприглядными чертами лица, чтобы отразить его злобу (Dizionario dei Modi di Dire, <https://dizionari.corriere.it/dizionario-modi-di-dire>).

Однако в итальянском существует выражение, означающее совершенно противоположное, т.е. помогает сформировать положительный образ: итал. *avere un Diavolo in corpo*⁸² (букв. иметь дьявола в теле, перен. быть полным

78 Dizionario dei Modi di Dire della lingua italiana. [Электронный ресурс]

79 Diccionario de la lengua española DRAE. 23ª edición [Электронный ресурс]

80 там же

81 Dizionario dei Modi di Dire della lingua italiana. [Электронный ресурс]

82 там же

жизни, возбужденным). Данное выражение, также означает «essere pieni di energia, e riuscire a dedicarsi alle attività più diverse, ad avere sempre nuove idee e simili. Usato anche per una persona inquieta, mai soddisfatta, sempre in cerca di qualcosa di nuovo o di diverso che non trova mai» (быть полным энергии и уметь посвятить себя самой разнообразной деятельности, всегда иметь новые идеи и т.п. Также используется для характеристики беспокойных людей, никогда не удовлетворенных, всегда ищущих что-то новое или необычное, что им никогда удастся сделать) [перевод наш – Н.Т.] [<https://dizionari.corriere.it/dizionario-modi-di-dire/D/diavolo.shtml>]. Может также использоваться для описания очень подвижных детей, которые никогда не сидят на месте.

В испанском языке имеется довольно большое количество фразеологизмов связанных с именами святых, характеризующих внешний вид человека или некоторые его отличительные черты, например, исп. *como San Pedro*⁸³ (букв. как Святой Петр, перен. совершенно лысый) или исп. *más flaco que el San Jerónimo de Mayo*⁸⁴ (букв. худее, чем Святой Иероним, перен. кожа да кости). Однако и в итальянском языке мы можем также найти несколько ярких примеров, описывающих внешность, например, итал. *sembrare Lazzaro risuscitato*⁸⁵ (букв. выглядеть как воскресший Лазарь, перед. быть очень худым и истощенным). Это высказывание относится к Святому Лазарю из Вифании, брату Марфы и Марии и близкому другу Иисуса. Последний, согласно Евангелию (Иоанна XI, 1-44), когда он узнал о смерти своего друга, сотворил чудо его воскресения, таким образом образ Св. Лазаря связан с тем, кто чудом восстал из могилы (Dizionario dei Modi di Dire della lingua italiana, <https://dizionari.corriere.it/dizionario-modi-di-dire/>).

2.2.2. Фразеологизмы, описывающие характер и поведение человека

83 Левинтова Э.И., Вольф Е.М., Мовшович Н.А., Будницкая И.А. Испанско-русский фразеологический словарь/ под ред. Э.И. Левинтовой. – М.: Рус. яз., 1985. – 1080 с.

84 там же

85 Dizionario dei Modi di Dire della lingua italiana. [Электронный ресурс]

Несмотря на то, что множество фразеологических единиц имеет в своем составе имя или же отсылку к Библии, для нас было важно выделить единицы, описывающие характер человека или же его поведение.

В качестве примера, можно привести такие выражения как исп. *ser más malo que Caín*⁸⁶ (букв. хуже, чем Каин, перен. вредный, аморальный человек), исп. *ser de la piel de Barrabás*⁸⁷ (букв. быть из кожи Вараввы, перен. быть шалуном, непоседой), где первое связано с именем Каина, ставшее эквивалентом предательства, поскольку согласно тексту Библии, он убил своего брата Авеля, став первым убийцей человечества. Второе же упоминает имя Вараввы – преступника, освобожденного Понтием Пилатом по случаю праздника Пасхи, спровоцировавшего народ принять решение казнить (распят) Иисуса Христа вместо Вараввы.

В то же время не стоит забывать о самом главном библейском имени, иллюстрирующее предательство ради собственно выгода, а именно имя Иуды Искарота. Образ «лживого человека» четко выражен во фразеологизмах обоих языков, например, исп. *ser más falso que Judas*⁸⁸ (букв. быть лживее Иуды, перен. фальшивый, вероломный) итал. *falso come Giuda*⁸⁹ (букв. лживый как Иуда).

Испанский фразеологизм исп. *ser más papista que el Papa/ ser más católico que el Papa*⁹⁰ (букв. быть большим папистом, чем Папа/ быть большим католиком, чем Папа, перен. быть фанатиком идеи) ярко демонстрирует тесную взаимосвязь носителей испанского с католической религией и отношение к излишней набожности.

А.В. Сингаевская отметила, что «очень образны и национально специфичны сравнительные обороты с *como* («как») и *más que* («более чем»). В них зачастую отражаются глубоко народные представления о библейских

86 Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas/ Libro electrónico, 2012. 988 p.

87 там же

88 Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas/ Libro electrónico, 2012. 988 p.

89 Черданцева Т.З., Рецкер Я.И., Зорько Г.Ф. Итальянско-русский фразеологический словарь/ под ред. Я.И. Рецкера. – М.: Рус. яз., 1982. – 1056 с.

90 Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas/ Libro electrónico, 2012. 988 p.

персонажах и святых», например, исп. *ser como santo Tomás*⁹¹ (перен. Фома неверующий, быть недоверчивым), исп. *como San Martín*⁹² (перен. последнюю рубашку с себя снимет) [Сингаевская, 2014 : 180].

В качестве еще одного примера можно привести фразеологизм исп. *como Pedro por su casa*⁹³ (букв. как Педро у себя дома, перен. как рыба в воде, чувствовать себя как дома), употребляемое при описании человека, которому комфортно и он без проблем работает в любом месте, словно он находится в собственном доме. В этом случае, можно подумать о Святом Петре – хранителе врат Небесных, т.е. дома своего (Buitrago Jiménez, 2012).

Имя святой Сусанны Римской у носителей итальянского языка связано с образом святой невинности, выражаемое в следующем фразеологизме: итал. *fare (essere, parere) la (santa) Susanna*⁹⁴ (букв. быть похожим на Св. Сусанну, перен. строить из себя недотрогу).

Счастлирое состояние в итальянском и испанском языках можно выразить благодаря фразеологизмам итал. *felice come una Pasqua*⁹⁵ (букв. быть счастливым как Пасха), исп. *más contento/ alegre que unas pascuas*⁹⁶ (букв. довольнее/ веселее Пасхи) что, по нашему мнению, может быть связано с самим праздничным торжеством Святой Пасхи.

В широком смысле подвергнуть себя искушению приобщиться к азартным играм ставят человека в положение совершения греха, выражающееся в итальянском языке через выражение итал. *tirare l'orecchio al diavolo*⁹⁷ (букв. прижать ухо к дьяволу, перен. быть азартным, попытать счастье).

---

91 там же

92 Левинтова Э.И., Вольф Е.М., Мовшович Н.А., Будницкая И.А. Испанско-русский фразеологический словарь/ под ред. Э.И. Левинтовой. – М.: Рус. яз., 1985. – 1080 с.

93 там же

94 Черданцева Т.З., Рецкер Я.И., Зорько Г.Ф. Итальянско-русский фразеологический словарь/ под ред. Я.И. Рецкера. – М.: Рус. яз., 1982. – 1056 с.

95 Черданцева Т.З., Рецкер Я.И., Зорько Г.Ф. Итальянско-русский фразеологический словарь/ под ред. Я.И. Рецкера. – М.: Рус. яз., 1982. – 1056 с.

96 Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas/ Libro electrónico, 2012. 988 p.

97 там же

Грешность человеческой натуры довольно ярко раскрывается в итальянском фразеологизме итал. *il vecchio Adamo*⁹⁸ (букв. ветхий Адам, перен. грешный человек).

Терпеливый характер ярко и емко передает выражения итал. *avere la pazienza di Giobbe*⁹⁹ (букв. иметь терпение Иовы, перен. быть очень терпеливым) и исп. *tener más paciencia que (el Santo) Job*¹⁰⁰ (букв. иметь больше терпения, чем у Св. Иовы), указывающего на того, кто смиренно переносит преследования, несправедливость и невзгоды. Иов, как гласит текст Библии, является олицетворением праведников, которые страдают, в то время как нечестивые преуспевают, и которые терпят все, подчиняясь воле Божьей (Dizionario dei Modi di Dire per ogni occasione, 2004).

2.3. Фразеологизмы, отражающие явление десакрализации

В связи с тем, что в современном мире отношение человека к святости и духовности изменилось, в языках носителей возникает такое явление как десакрализация. Оно характеризуется тем, что происходит процесс обесценивания религиозных представлений, сакральных явлений, т.е. в целом происходит стилистическое снижение изначально высоко-духовных и нравственно-религиозных слов. Среди выдающихся ученых, работавших над изучением понятия десакрализация, можно выделить работы В.Г. Гака (Гак, 2001), А.С. Лаврентьевой (Лаврентьева, 2016, 2017) и Е.А. Поповой (Попова, 2020).

Лингвист А.С. Лаврентьева писала, что испанцы «нередко десакрализуют образ святых фольклорном творчестве» [Лаврентьева, 2017 : 64]. Так, в культуре и фольклоре возникают многочисленные шуточные выражения про святых, в которых им приписывается черты человеческого поведения и описываются их физические данные. Образы святых окрашены целым спектром эмоций у носителей испанского языка, например, выражением почтения или же

---

⁹⁸ там же

⁹⁹ Dizionario dei Modi di Dire per ogni occasione, 2004. 99 p.

¹⁰⁰ Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas/ Libro electrónico, 2012. 988 p.

ироничного порицания. Десакрализация – это «результат функционирования интерпретации имен святых в некоторых языковых единицах или поэтических произведениях» [там же : 64].

Как считает Ю.С. Мельчакова: «Для испанцев мир божественный был так же близок, как и земной. Соответственно, Христос, Дева Мария и Сатана обретают человеческие черты в глазах католиков, они оказываются рядом с человеком, он чувствует их в каждом мгновении своей жизни» [Мельчакова, 2007 : 14].

Нами было обнаружено, что число исследований, проводимых на материале фразеологии итальянского языка, посвященных феномену десакрализации, небольшое, а количество примеров, связанных с данным феноменом, обнаружить, в связи с этим, довольно затруднительно.

В испанском языке наиболее ярким примером является следующее выражение: исп. *asarse como San Lorenzo*¹⁰¹ (букв. жариться как Святой Лаврентий, перен. сгорать от нетерпения, быть как на углях). Его значение происходит из библейского эпизода о мучительной смерти Святого Лаврентия Римского в результате отказа поклоняться языческим богам, который был подвергнут жестоким пыткам, а именно был заживо изжарен на железной решетке, под которой находились горячие угли, а слуги рогатинами прижимали к ней его тело ([https://ru.wikipedia.org/wiki/Лаврентий Римский](https://ru.wikipedia.org/wiki/Лаврентий_Римский)).

Не менее важной иллюстрацией десакрализации в испанском является выражение исп. *túnica de Cristo*¹⁰² (букв. как ряса Христа, перен. лиловый), обозначающее цвет синяка. Кроме того, данное выражение передает название растения «дурман индийский», которое в свою очередь тоже лилового цвета [Лаврентьева, 2017 : 67]. Помимо этого выражения в испанском существует исп. *ponerle a uno como túnica de Cristo*¹⁰³ (букв. надеть на кого-либо рясу Христа, перен. избить до синяков), смысл которого отсылает к событиям, случившимся с Христом во время казни. В современном языке это выражение

101 Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas/ Libro electrónico, 2012. 988 p.

102 там же

103 там же

носит иронический характер, используя при описании процесса избияния человека до синяков.

Тонкая грань между обесцениванием некоторых понятий и иронично-саркастическим отношением к религии прослеживается во фразеологизме исп. *sentarle a uno una cosa como a Cristo un par de pistolas*¹⁰⁴ (букв. подходить одно другому, как пара пистолетов Христу, перен. одно совершенно не сочетается с другим).

Несмотря на низкую степень изученности вопроса уровня десакрализации и ее частотности в итальянском, нам удалось найти несколько примеров, характеризующих этот феномен. Довольно сложен в трактовке итальянский фразеологизм итал. *fare (come) Ponzio Pilato*¹⁰⁵ (букв. делать как Понтий Пилат, перен. умыть руки), значение которого требует большого познания в тексте Вульгата. Текст Священного Писания гласит, что в момент принятия решения о казни разбойника Вараввы и Иисуса, Понтий Пилат, слыша крики народа о казни второго и нежеланием взять его судьбу в свои руки, не сделал ничего иного как «*lavit manus coram populo, dicens: Innocens sum a sanguine iusti huius*» (Matteo 27, 24) (умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего (Матфей 27, 24)) [перевод наш – Н.Т.] [Иероним. Вульгата, <http://lingvo.asu.ru/latin/texts/vulgata/41/27.html>]. В продолжении вышесказанного вполне уместно упомянуть словарь De Mauro, в котором приводится следующее значение данной мысли: «*disinteressarsene, declinare ogni responsabilità lasciando fare agli altri*» (незаинтересованность, отказаться от любой ответственности, позволяя делать что-либо другим) [перевод наш – Н.Т.] [Dizionario italiano De Mauro, <https://dizionari.corriere.it/dizionario-modi-di-dire/>]. Таким образом, выражение, несмотря на свою сложную этимологию, приобретает отрицательную коннотацию, указывая на безответственное поведение человека, его отказ от принятия чьей-либо стороны в той или иной ситуации.

104 Левинтова Э.И., Вольф Е.М., Мовшович Н.А., Будницкая И.А. Испанско-русский фразеологический словарь/ под ред. Э.И. Левинтовой. – М.: Рус. яз., 1985. – 1080 с.

105 Черданцева Т.З., Рецкер Я.И., Зорько Г.Ф. Итальянско-русский фразеологический словарь/ под ред. Я.И. Рецкера. – М.: Рус. яз., 1982. – 1056 с.

В испанской культуре для выражения непричастности кого-либо к совершению того или иного действия, используется фразеологизм исп. *lavarse las manos como Pilatos*¹⁰⁶ (букв. мыть руки как Пилат, перен. уйти от ответственности, умывать руки). В своем исследовании К. Мельядо Бланко обнаружила интересный факт, по ее мнению, некоторые фразеологизмы, включая приведенный нами выше, не всегда связаны с Библейскими событиями, т.е. история их появления сложна и значительно длиннее, чем представляется на первый взгляд. К. Мельядо Бланко подчеркнула, что «se sabe que entre algunos pueblos antiguos era costumbre simbólica la de lavarse las manos en presencia del pueblo para demostrar que se era inocente del crimen que le atribuían» (известно, что у некоторых древних народов существовал символический обычай мыть руки в присутствии людей, чтобы продемонстрировать свою невиновность в приписываемом им преступлении) [перевод наш – Н.Т.] [Mellado Blanco, 2017 : 55].

По нашему мнению, именно этот факт может являться причиной возникновения феномена десакрализации, поскольку лишь посредственная связь с религией активизирует отнюдь не религиозное мышление у носителей языка.

Существующие отрицательные ассоциации, которые возникают у каждого христианина при упоминании имя дьявола, в итальянском языке приобретают абсолютно противоположное значение во фразеологизме итал. *buon diavolo*¹⁰⁷ (букв. хороший дьявол, перен. добрый малый). В словаре De Mauro приводится следующая характеристика выражения: «persona paziente, mite, di indole semplice» (человек терпеливый, кроткий, с простым характером) [перевод наш – Н.Т.] [Dizionario italiano De Mauro, <https://dizionari.corriere.it/dizionario-modi-di-dire/>]. В то время как словарь Modi di Dire раскрывает значение фразеологизма немного иным образом, а именно:

106 Садиков А.В., Нарумов Б.П. Испанско-русский словарь современного употребления = Diccionario Español-Ruso DE USO Moderno : более 100 000 слов и словосочетаний – 7-е изд., стер. – М.: Русский язык-Медиа : Дрофа, 2005. – 750 с.

107 Черданцева Т.З., Рецкер Я.И., Зорько Г.Ф. Итальянско-русский фразеологический словарь/ под ред. Я.И. Рецкера. – М.: Рус. яз., 1982. – 1056 с.

«riferito a chi ha qualche difetto che comunque gli si perdona, o a una persona limitata e modesta ma buona» (относится к тем, у кого есть недостатки, которые в любом случае прощаются, или характеризуя ограниченного и скромного, но при этом хорошего человека) [перевод наш – Н.Т.] [Dizionario dei Modi di Dire, <https://dizionari.corriere.it/dizionario-modi-di-dire/index.shtml>]. Также может использоваться в тех случаях, когда речь идет о тех, кто выставляет напоказ грубое отношение, но на самом деле добродушен.

Среди единиц фразеологического фонда итальянского языка, демонстрирующих процесс десакрализации, можно привести следующий пример, итал. *avere poco peccato*¹⁰⁸ (букв. иметь мало грехов, перен. не иметь опыта), демонстрирующий отсутствие грехов у человека, которое позволяет сделать вывод о том, что он мало что-либо делал. Со ссылкой на работу П.А. Флоренского, Л.Г. Панова (Панова, 2000) указывает, что слово «грех» приравнивают к слову «огрех», так что «грешить» значит «ошибаться», «не попадать в цель», наконец, «дать мимо», «дать маху», «пропустить» [цит. по Сайгин, <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=12851>].

Выводы по главе 2

Проанализировав фразеологический фонд испанского и итальянского языков с религиозным компонентом, мы смогли прийти к следующим выводам:

1) взаимное проникновение элементов культуры испанского и итальянского языков, в рамках фразеологии, обуславливается не только территориальной близостью стран, но и единством религиозных реалий и церковных представлений на базе одной религии. Однако особенности употребления зависят от национально-культурной специфики, отражающей традиции конкретной эпохи и отношение народа к духовной составляющей;

2) описание внешности человека и его характера становится возможным благодаря проводимым носителями аналогиям с конкретными образами католической религии, например, с дьяволом или Богом, Иудой или Христом и пр. Данный факт доказывает, что фразеологизмы, описывающие человека,

¹⁰⁸ Черданцева Т.З., Рецкер Я.И., Зорько Г.Ф. Итальянско-русский фразеологический словарь/ под ред. Я.И. Рецкера. – М.: Рус. яз., 1982. – 1056 с.

основаны на постоянном сравнении тех или иных качеств сакральных понятий с реальной реакцией человека на происходящее в мире;

3) непрерывная интерпретации тех или иных имен и религиозных образов приводит к появлению такого феномена как десакрализация, который активизирует возникновение новых саркастических и иронических выражений, наделяющих новыми чертами уже ранее сформировавшиеся образы.

Заключение

Цель нашего исследования заключалась в анализе фразеологического фонда испанского и итальянского языков в рамках религиозного кода культуры с точки зрения тематического и семантического критериев. Поставленная цель была достигнута благодаря последовательному решению следующих задач:

- рассмотреть понятия «лингвокультурология», «культура», «код культуры», «фразеологизм»;
- установить особенности религиозного культурного кода;
- выделить специфические черты фразеологии религиозного кода культуры;
- разработать тематическую классификацию фразеологического фонда испанского и итальянского языков с религиозным компонентом;
- выявить, описать и сравнить семантические особенности фразеологических единиц испанского и итальянского языков в рамках религиозного кода культуры.

Удалось установить, что существование большого количества трактовок понятия «лингвокультурология» подтверждает актуальность вопроса и заинтересованность ученых современности в его изучении с новых точек зрения. Под лингвокультурологией мы понимаем самостоятельную гуманитарную дисциплину, занимающуюся изучением процесса мысли о материальной и духовной составляющей культуры, ее отражением и влиянием на процессы, происходящие в национальном языке.

Благодаря проведенному анализу, мы смогли отметить, что фразеология как один из специфических разделов языка, наиболее ярко отражает особенности культуры, в частности взаимоотношения народа с религией, его вовлеченность с течением времени, а также частотность употребления тех или иных понятий, имен и пр.

Рассмотрение фразеологических единиц в контексте как исторического, так и культурного развития обеспечивает более глубокое погружение в

определение сущности их значения, т.е. более глубокое понимание образа, изначально положенного в их основу.

Проведенное нами исследование позволяет утверждать, что наличие ономастического компонента в фразеологизмах может обеспечить необходимой информацией о традициях, привычках и истории того или иного народа. Фразеологические единицы с компонентом-антропонимом – это значимая часть общеевропейской культуры, которая постоянно требует изучения культурно-исторического контекста каждой культуры отдельно, поскольку без этого невозможно правильно декодировать их смысловое содержание и использовать в речи.

В результате практического исследования нами было отмечено, что несмотря на то, что фразеологизмы испанского и итальянского языков с компонентом-библеизмом заимствовались из одного источника, они не утрачивают своей самобытности и национально-культурной специфики, поскольку они приобретают особые образные смыслы, являющиеся отражением духовного и нравственного развития того или иного народа.

На основании собранного практического материала и его последующего подробного анализа, мы установили, что феномен десакрализации присущ в большей степени испанской культуре, что, на наш взгляд, связано с присущей испанскому языковому сознанию большей инверсией моральных ценностей.

Таким образом, результаты проведенного нами исследования открывают новые возможности для более глубокого изучения фразеологии испанского и итальянского языков в рамках религиозного кода культуры. Также данные результаты помогут всесторонне исследовать вопрос десакрализации и других семантических процессов в области фразеологии.

Библиография

1. Аванесова Г.А., Купцова, И.А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по материалам XLVII Междунар. науч.-практ. конф. №4 (47). – Новосибирск: СибАК, 2015. – С.28-37.
2. Аванесова Г.А., Купцова, И.А. Коды культуры: сущность и назначение // Социально-гуманитарные знания: Научно-образовательное издание, № 1, 2008. – С.30-43.
3. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 214 с.
4. Бердяев Н.А. О культуре // Антология культурологической мысли. – М., 1996. – С.195-198.
5. Бувеч А.А. Взаимоотношение языка и религии сквозь призму духовно-религиозного кода русской лингвокультуры // Метафизика, №4 (22), 2016. – С.111-122.
6. Воробьев В.В. Лингвокультурология (Теория и методы). – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 340 с.
7. Гак В.Г. Десакрализация библеизмов в романских языках// Res PhilologicaII. СПб, 2001. – С.56-66.
8. Голякова Л.А. Текст. Контекст. Подтекст. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 2002. – 232 с.
9. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт; Пер. с нем. под ред., с предисл. [с. 5-33, и примеч.] Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
10. Жолобова А.О. Об истоках фразеологической науки в Испании // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки, том 155, кн. 5. – Казань, 2013. – С.309-316.
11. Жуков В.П. Русская фразеология: учебное пособие / В.П. Жуков, А.В. Жуков. - Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2006. – 408 с.

12. Зыкова И.В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков. дис. доктор филологических наук: 10.02.19 – Теория языка. М.: 2014. – 510 с.
13. Иванова С.В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм. Учебное пособие. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 152 с.
14. Иванова С.В., Чанышева З.З. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения: Монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – 366 с.
15. Касарес Х. Введение в современную лексикографию / пер. с исп. Н.Д. Арутюновой. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – 354 с.
16. Кириллова Н.Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект : монография / Н.Н. Кириллова ; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – 2-е изд., сокр. – СПб.: Книжный Дом, 2015. – 235 с.
17. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. – М., 2012. – 456 с.
18. Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей/ Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКСПресс, 2001. – С.5-19.
19. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 283 с.
20. Курчаткина Н.Н., Супрун А.В. Фразеология испанского языка. – М.: Высшая школа, 1981. – 144 с.
21. Лаврентьева А.С. Десакрализация образов святых в испанском фольклоре// Rhema, №1, 2017. – С.61-79.
22. Лаврентьева А.С. Структурно-семантический анализ испанских агноантропонимов // Вестник Брянского госуниверситета. Языкознание. 2016(3). – С.148-152.
23. Малхазова М.И. Лингвокультурология как самостоятельное направление лингвистики// Актуальные вопросы современной науки. – Новосибирск: ООО «Центр развития научного сотрудничества», №39, 2015. – С.134-142.

24. Манерова К.В. Ключевые компоненты фразеологизма как носителя культурного кода (контрастивный анализ немецких и русских фразеологизмов религиозной тематики) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, №10(64), 2016. – С.111-115.
25. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
26. Маслова В.А. Духовный код с позиции лингвокультурологии: единство сакрального и светского // Метафизика, №4 (22), 2016. – С.78-97.
27. Мед Н.Г. К вопросу о кодах культуры по фразеологии романских языков // Древняя и новая Романия. Вып. 16. – СПб., 2008. – С.207-217.
28. Мед Н.Г. Национально-культурная специфика оценочных фразеологизмов (на материале испанской разговорной речи) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. № 66. – СПб., 2008. – С.68-74.
29. Мельчакова Ю.С. Испанская национальная картина мира: взаимодействие искусства и религии: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии. – Екатеринбург, 2007. –156 с.
30. Немцева К.И. Фразеотематическое поле «Религия» в романских языках (материале испанского и французского языков): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб., 2017. – 24 с.
31. Панова Л.Г. Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «грех» и итальянского «рессато») // Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С.167–177.
32. Пашкова Н.И. Культурный код – символический язык культуры // Язык и культура. №3, 2012. – С.167-171.
33. Питина С.А., Шкатова Л.А. Лингвокультурология. Краткий курс лекций и хрестоматия / Челябинский Государственный университет. – Челябинск, 2006. – 118 с.

34. Попова Е.А. Десакрализация религиозной семантики как способ измерения времени в испанском языковом сознании // Древняя и Новая Романия. Вып. 25. – СПб., 2020. – С.228-236.
35. Рылов Ю.А. Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2010. – 390 с.
36. Сайгин В.В. О понятии «десакрализация концепта» (на примере концепта «грех» в современном русском языке) // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 2. [Электронный ресурс] URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=12851> (дата обращения: 13.05.2021);
37. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1992. – 319 с.
38. Симбирцева Н.А. «Код культуры» как культурологическая категория // Знание. Понимание. Умение. Проблемы культурологии, №1, 2016. – С.157-167.
39. Сингаевская А.В. Национально-культурное своеобразие испанских фразеологизмов с компонентом-антропонимом // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014, №4(34), Ч.II. – С.178-184.
40. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 284 с.
41. Телия В.Н. Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999.
42. Телия В.Н. От редактора// Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках/ Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С.9-15.
43. Титаренко Н.В. Фразеологизм с компонентом-библеизмом: национально-культурное своеобразие (на материале русского и испанского языков) // Международная научно-практическая интернет-конференция «Испания и Россия: диалог культур в свете современной цивилизационной парадигмы»

[Электронный ресурс] URL: http://conf.sfu-kras.ru/conf/spru/report?memb_id=1112 (дата обращения: 17.01.2021);

44. Толстой Н.И. Язык и народная культура// Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – С.15-26.

45. Фуко М. Слова и вещи Археология гуманитарных наук // Центр гуманитарных технологий. Перевод на русский язык: В. П. Визгин, Н. С. Автономова. — М.: Прогресс», 1977. [Электронный ресурс] URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5169/5171> (дата обращения 20.03.2021);

46. Черданцева, Т.З. Язык и его образы (очерки итальянской фразеологии). – М.: Международные отношения, 1977. – 168 с.

47. Черданцева Т.З. Итальянская фразеология и итальянцы. – М.: Черо, 2000. – 304 с.

48. Эстремера Марин К. Практическая фразеология испанского языка (в сравнении с русским) = Fraseología práctica comparada ruso-español: многочисленные упражнения, классифицированные по разным уровням владения языком / Кармен Марин Эстремера. – М.: Ленанд, 2015. – 233 с.

49. Calero Fernández M.A. Jesús y María en la fraseología religiosa del español e del catalán // Paremia, 8, 1999. – P.76-84.

50. Calero Fernández M.A. Personajes y episodios bíblicos en las locuciones y frases hechas del español y del catalán // Paremia, 9, 2000. – P.50-60.

51. Della Rocca A. La fraseologia: origini e genere tra italiano e spagnolo. Un'analisi comparativa // Università degli Studi Internazionali di Roma, 2017. – 24 p.

52. Gurillo R. Aspectos de fraseología. – Valencia, 1997. – 92 p.

53. Luque Durán J. de D. y Manjón Pozas F. J. Claves culturales del diseño de las lenguas: fundamentos de tipología fraseológica // Estudios de lingüística del español, vol. 16, 2002.

54. Mellado Blanco C. Locuciones y proverbios de origen bíblico: creación y difusión en Alemán y Español // Revista de Letras, Santiago de Compostela, n.36, vol (1), 2017. – P.52-69.

55. Nadal L.L. Las referencias bíblicas en Inglés y en Español // Odisea, 2010. – P.269-283.
56. Nadal L.L. Los culturemas: ¿unidades lingüísticas, ideológicas o culturales? // Language Design, 11, 2009. – P.93-120.
57. Pastor Gloria C. Manual de fraseología. – Madrid: Biblioteca Romanica Hispanica, 1997. – 337 p.
58. Prieto M. Hablando en plata. Modismos y metáforas culturales. – Madrid: Edinumen, 2006. – 103 p.

Словари

1. Левинтова Э.И., Вольф Е.М., Мовшович Н.А., Будницкая И.А. Испанско-русский фразеологический словарь/ под ред. Э.И. Левинтовой. – М.: Рус. яз., 1985. – 1080 с.
2. Черданцева Т.З., Рецкер Я.И., Зорько Г.Ф. Итальянско-русский фразеологический словарь/ под ред. Я.И. Рецкера. – М.: Рус. яз., 1982. – 1056 с.
3. Садиков А.В., Нарумов Б.П. Испанско-русский словарь современного употребления = Diccionario Español-Ruso DE USO Moderno : более 100 000 слов и словосочетаний – 7-е изд., стер. – М.: Русский язык-Медиа: Дрофа, 2005. – 750 с.
4. AA.VV. Dizionario dei Modi di Dire per ogni occasione, 2004. – 99 p.
5. Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas / Libro electrónico, 2012. – 988 p.
6. Diccionario de la lengua española DRAE. 23ª edición [Электронный ресурс] URL: <https://dle.rae.es/> (дата обращения 20.04.2021);
7. Dizionario italiano De Mauro. Il dizionario online della lingua italiana. [Электронный ресурс] URL: <https://dizionario.internazionale.it/> (дата обращения 5.03.2021);
8. Dizionario dei Modi di Dire della lingua italiana. [Электронный ресурс] URL: <https://dizionari.corriere.it/dizionario-modi-di-dire/> (дата обращения 16.02.2021);
9. Quartu B.M. Dizionario dei modi di dire della lingua italiana: 10.000 modi di dire ed estensioni figurate in ordine alfabetico per lemmi portanti e campi di significato / B.M. Quartu. – [4-a ed.]. – Milano: Bibl. universale Rioli, XIII, 2001. – 714 p.
10. L'Istituto della Enciclopedia Italiana da Giovanni Treccani/ Vocabolario [Электронный ресурс] <https://www.treccani.it/vocabolario/> (дата обращения 16.04.2021).